

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Пётр Данилович Ларин

1735 — 1778

Сочинение В. В. Стасова

с портретом Ларина, видом церкви и училища

Рязань, Губернская типография, 1913
Перевод в современную орфографию — сайт lubichi.ru, 2026

Пётр Данилович Ларин (1735–1778). С портрета академика А. Волкова, 1818

От издателей

Эту небольшую книгу написал **Владимир Васильевич Стасов** — знаменитый художественный и музыкальный критик, многолетний сотрудник Императорской публичной библиотеки. В её залах висел портрет купца Петра Ларина, и посетители раз за разом спрашивали, кто это. Чтобы ответить, Стасов поднял архивные дела Министерства народного просвещения и в 1913 году выпустил в Рязани этот биографический очерк — пожалуй, самый подробный рассказ о нашем земляке, какой вообще существует.

Ларин родился в Любичах около 1735 года в семье дворцового крестьянина, мальчиком пас стадо, а кончил жизнь купцом первой гильдии, который вёл хлебную торговлю с Англией и задумал в родном селе бесплатную школу и крестьянский банк. Школа открылась лишь через сорок лет после его смерти — и проработала больше века.

Текст переведён в современную орфографию: убраны яти и конечные твёрдые знаки, поправлена пунктуация. Но слова, обороты и сам строй речи Стасова сохранены — это по-прежнему его очерк 1913 года, а не пересказ. Несколько мест, испорченных на сгибах ветхого экземпляра, отмечены многоточием. В приложении помещены факсимиле всех страниц подлинника — для тех, кому важно увидеть книгу такой, какой она была.

Источник — семейный экземпляр издания: Рязань, Губернская типография, 1913.

Сайт lubichi.ru, 2026

Портрет Ларина, прилагаемый при настоящем биографическом очерке[1], находится в императорской публичной библиотеке с 1859 года. С тех пор, еще чаще прежнего повторялись в „Ларинской зале“ этой библиотеки вопросы публики: кто такой Ларин? что о нём известно? какие сохранились подробности о жизни этого великодушного и образованного купца екатерининского времени? — Но на все вопросы приходилось почти ничего не отвечать: едва лишь несколько самых общих, внешних фактов можно было рассказать многочисленной толпе любопытных, поминутно сменяющейся в библиотеке, — так мало сохранилось известий о Ларине.

В 1861 году, в февральской книжке „Журнала Министерства Народного Просвещения“ напечатана была небольшая биография Ларина. Автор её, поручик 3-го гренадерского стрелкового батальона, Константин Иванович Волховский, стоял в 1859 и 1860 годах со своею командой в селе Любучах (Рязанской губернии), где существует училище, основанное Лариным. Его заинтересовала личность этого примечательного русского деятеля XVIII века; он собрал в архиве училища всё, что мог, до него относящееся, прибавил к тому разные биографические сведения, сохранившиеся в памяти любучских старожилов и сообщённые ему смотрителем ларинского училища, Н. И. Барсуковым, и учителем того же училища, А. П. Малютиным, и таким образом составил биографию, впервые знакомившую русскую публику с историческою личностью глубоко им чтимую, но у нас, к стыду нашему, совершенно почти забытую.

Я тоже давно полюбил Ларина, давно удивлялся ему и задумал собрать все, что уцелело в письменных и печатных сведениях, а также в сохранившихся местных преданиях и известиях. Для первой цели мне послужил архив министерства народного просвещения с богатыми его документами, „Полное Собрание Законов“ и некоторые печатные издания, которые и назову в своём месте; для второй — письменные сведения, которые сам мне, с самою обязательною готовностью, сообщил тот же искренно уважаемый Н. И. Барсуков, ныне умерший смотритель любучского училища, который 15 лет тому назад помог в его труде. Таким образом помочь и получить возможность представить публике довольно полные и совершенно достоверные сведения о занимавшем меня человеке.

В. Стасов.

I.

Пётр Данилович Ларин родился, по одним известиям, в 1735, по другим — в 1736 году, в селе дворцового ведомства, Любучи, рязанской губернии, нынешнего зарайского уезда. Отец его был бедный крестьянин, по имени Данила Иванович. Со-

хранилось предание, что Пётр Ларин, будучи маленьким мальчиком лет 8-ми, пас стадо, а зимою ходил учиться грамоте к сельскому дьячку и помогал отцу в домашних работах. Учился он очень хорошо, был вообще мальчик больших способностей, но отец, по бедности своей, не мог дать ему никакого другого образования кроме учения грамоте, и потому, когда сын стал подрастать, он начал подумывать о том, к какой бы должности его пристроить. В это время положение жителей села Любучи было очень обстоятельно описано самим Лариным и представленного им, в 1777 году, императрице Екатерине II при знаменитой, исторически-важной просьбе, о которой будет говорено ниже.

„Жители этого села — рассказывает здесь Ларин — не занимаются земледелием, по неудобству земли к хлебопашеству, и почти все существуют мелкою и крупною торговлею, либо служат в работниках и приказчиках. Учиться им, в детстве, не у кого, кроме священников, и его причетников, которые и сами мало знают, а потому любучане, по своему незнанию и безграмотству, много трудятся, а мало получают". По счастью, этого с Лариным не повторилось: он тоже „много трудился", но никак нельзя сказать, чтоб в результате он „мало получил". Его жизнь сложилась совершенно иначе.

Но только одно здесь приходится заметить. Исчисляя промыслы и занятия любучан своего времени, Ларин почему-то не упомянул одного занятия их, которое играло, и тогда и после, важную роль в числе занятий его односельчан. Это — служба в качестве целовальников и подносчиков по кабакам, как в их собственном селе, так и в других местах. Любучские крестьяне приобрели в такой и по этой должности, такую репутацию ловкости и расторопности, что есть предание, будто по всей России славилась всего более целовальники-макары резанцы, любучане. И вот именно в этой-то должности началась деятельность Петра Ларина. Отцу нельзя было держать его у себя дома, на собственном попечении; надо было, чтоб 14-летний мальчик начинал зарабатывать свой хлеб: его и отдали подносчиком в кабак к одному знакомому, в том же селе. Но здесь ему привелось оставаться не долго: управляющий питейными сборами скоро заметил его, как смышлёного и расторопного мальчика, и взял к себе в конторку кассиром. Спустя несколько лет, Ларин, пройдя одну за другую разные должности по питейной части, сделался уже управляющим питейным сбором в Казани. Точных годов всего этого мы указать не можем, и первый несомненный год, нам известный, есть 1771 год, когда Ларин, уже московский купец, — взял на себя откуп по городу Архангельску. В своей биографии Ларина, г. Волховский говорит, что он, „получая в Казани хорошее содержание и ведя умеренную жизнь, накопил немного денег, и, так как занятия по питейной части не нравились ему, то он передал свою должность управляющего и

перебрал в Архангельск, где стал заниматься торговлею рыбой, хлебом, пенькою. Но в этом заключаются две неверности, опровергаемые фактами, вполне достоверными. Ларин вовсе не оставил занятий своих по питейной части в Казани: ближайший к Ларину человек, его зять, делец, коллежский ассессор Цыгоров, представляя, в 1804 году, документы о Ларине тогдашнему министру народного просвещения, графу Завадовскому, на заголовке этих актов называет своего тестя „коронным поверенным по казанской и архангельской губернии". Из этого выходит, что до самой своей смерти Ларин продолжал вести питейное дело в Казани. Во вторых, тоже и в Архангельске он занимался этим самым делом: это мы узнаём как из только что приведённого документа, так и из одной книги, напечатанной в Петербурге, в 1792 году, под заглавием: „Краткая история о городе Архангелогородском". Автор, „архангелогородский гражданин", Василий Крестинин, долго собиравший наидостовернейшие документы и сведения, относящиеся до описываемого им города, в одном месте своей книги, в „Хронологической росписи архангелогородской истории" отмечает под 1771 годом: „Питейный откуп московского купца Петра Ларина освобождает посад от тяжкой и страшной службы в питейных выборных, целовальников" (стран. 121), а в другом месте, собственно в истории города, говорит, что „постановившийся с 1771 года откуп московского купца Петра Ларина утвердил в здешнем городе продолжение питейных сборов основанное на договорах откупщиков с правительством, богатящихся сим промыслом с казёною пользою" (стран. 48).

Сверх того, в просьбе, поданной министру просвещения в 1817 году, и которую я привожу пространно ниже, зять Ларина, Цыгоров, писал, что „Ларин доставил казне выгоды более 2.000,000 рублей при торгах откупных в 1770 и 1774 годах".

И так, Ларин был по главному роду занятий своих — откупщик, и не покидал этих занятий до самой смерти. Но только он, был откупщиком решительно отличным от большинства прочих, откупщиков, товарищей своих, и даже вообще от остальных купцов: он имел право во всеуслышание сказать императрице Екатерине II, в просьбе своей: „Провидение Всевышнего Творца вселенной благословило труды мои, как трудолюбивого гражданина, достоянием превозшедшим мое упование... Я большую часть имений моего посвящаю на учреждение призрительного училища бедным и беспомощным сиротам, и могу совестию и честью всемилостивейшую мою монархиню уверить, что сия бескорыстная жертва не растворена платежом и рыданием людей, мною притеснённых, но из нажитого трудами и неусыпным бдением моим ближнему приобретаю, не учинился я виновным ни малейшею обидою, ни казне ущербом, а стечение только обстоятельств, способствуя моим предприятиям возрастили оное".

Впрочем, не смотря на главное и постоянное свое занятие откупными делами, Ларин легко мог заниматься и другими торговыми делами; очень может быть, что он действительно торговал тоже, как говорит г. Волховский, рыбой, пенькой и хлебом. Сохранилось даже предание, что он одно время вёл торговлю хлебом с Англиею, отправлял туда собственные корабли, бывал сам в Лондоне и научился говорить по-английски; нынешний же смотритель любучского ларинского училища, П. И. Барсуков, сообщает мне, сверх того, изустное любучское предание, что Ларин был поставщиком хлеба при высочайшем дворе. Эти подробности, по-видимому, не были известны г. Волховскому, и он говорит только в общих выражениях, что в Петербург, где он довольно часто бывал по торговым делам, Ларин сошёлся с торговым домом одного богатого армянина, и впоследствии вёл вместе с ним значительную заграничную торговлю. Но так или иначе, результат был во всяком случае тот, что Ларин, родившийся крестьянином, едва достигнув 40-летнего возраста, был уже купцом 1-й гильдии и обладал очень значительным состоянием. Как он его употребил, как шла его жизнь, вне торговых и откупных занятий — того мы не знаем. Одно, что нам известно, это то что около 1776 года он построил в селе Любучах большую двухэтажную церковь, о 5 куполах, с тремя (в настоящее время шестью) приделами и колокольной. В приводимом ниже проекте основанного им училища, Ларин писал, что этот храм „построен из его иждивений и его единственными трудами"; внуки же его, в просьбе поданной министру народного просвещения в декабре 1816 г., говорили между прочим, что церковь построена на 65,000 рублей, пожертвованных Лариным. Наконец, нынешний смотритель ларинского любучского училища, П. И. Барсуков, пишет мне по поводу этой церкви: „Изящная каменная, крытая железом, двухкорпусная церковь отличается как величиной, своей, так и особой прочностью и ценностью строительных материалов. Она построена Лариным, должно полагать 1776 года, потому что на одном антиминсе, более других древнем в этом храме, и положенном на престоле в нижней церкви (в приделе пророка Илии), находится надпись: „Освящён епископом рязанским и шацким Симоном в 1776 году". Про эту же церковь г. Волховский замечает, что это один из лучших храмов в целой рязанской губернии и что постройка производилась по планам и под наблюдением самого Ларина, начиная с закладки храма и до малейших подробностей. К этому г. Волховский прибавляет ещё, что в Архангельске Ларин построил, точно такую же церковь, но это навряд ли справедливо: в подробнейшем и достовернейшем описании города Архангельска, помещённом в сочинении Козьмы Молчанова. „Описание архангельской губернии. С.-П.-б. 1813, 4°", в § 3-м, стр. 68—71, обстоятельно описаны все 10 церквей, существовавших в то время, т. е. спустя всего лет 30 с небольшим после смерти Ларина, в

Архангельске, но ни одна по времени построения или возобновления своего, не относится к тем годам, когда Ларин был в Архангельске.

Наконец, г. Волховский приводит ещё дошедшее до него изустное предание, что ум и состояние Ларина дали ему доступ в лучшее петербургское общество и к блестящему двору императрицы Екатерины II. Последнее мало вероятно, потому что в своей просьбе конца 1777 года, т. е. всего за несколько месяцев до смерти своей, Ларин считает необходимым объяснить императрице разные подробности о своей личности. Так он в начале говорит: „Прежде нежели представлю много-предприемлемое, долженствую донести о себе вашему императорскому величеству", и затем рассказывает, что он теперь „купец московский", а прежде был крестьянин, — все это было бы в настоящей просьбе излишне, если б императрица знала его уже раньше. Что же касается до того, что Ларин имел доступ в высшее столичное общество (московское или петербургское), то это довольно правдоподобно. По крайней мере, судя по портрету его, дошедшему до нашего времени, где он представлен в богатом французском кафтане, в пудре, чулках и башмаках, надо заключать, что он уже и костюмом отличался от тогдашнего русского купеческого общества, и вероятно во всём следовал, касательно образа жизни своей, примеру тогдашнего большого света.

Но богатство, блестящие связи и положение в обществе не испортили Ларина и не затемнили светлого его ума. Напротив, именно в самом цвете лет своих, на вершине счастья и богатства своего, он задумал и совершил то дело, которое сделало из него одну из замечательных личностей нашей истории и сохранило навсегда черты его великодушной, честной и симпатичной личности, где главною нотою звучали — человечность и забота о народном благе.

В конце 1777 или в начале 1778 г. Ларин подал, императрице Екатерине II следующую, необыкновенно примечательную просьбу:

Примечания

1. Помещено в сборнике „Древняя и Новая Россия" за 1876 г.

Всепресветлейшая Государыня

Всемиловитейшая мать отечества!

„Удивлённый и исполненный почитания к премудрости и щедроте вашего императорского величества как добродетелям, не только в России промыслom Всевышнего для её благоденствия правлению толь великие монархини вручённой, но и во всём свете прославляемым, давно я желаю за чувствуемое под сим безприкладным царствованием благоденствие принести хотя слабый по мере сил моих знак

рабского и призрачного сыну отечества усердия. И наконец общим России счастьем ободрённый, отважился с нижеследующим упасть к монаршим вашего императорского величества стопам и возжечь благодарное и безкорыстное жертвоприношение благотворному сердцу Вашего императорского величества, по истине сердцем материнским от всех верноподданных признаваемому.

„Но прежде нежели всеподданнейше представляю мною приемлемое, долженствую донести о себе вашему императорскому величеству. Я купец московский, а прежде имел я счастье быть в числе земледельцев знатнейшие в свете помещицы, Великие Екатерины, и как тогда, так и ныне верный её подданный и всегдашний наблюдатель истины, её устами предписуемой и примером преподаваемой. Провидение Всевышнего Творца вселенные благословило труды мои, как трудолюбивого гражданина, достоянием превзошедшим моё упование, и как я за весь дар что себя обязанным во первых Творцу моему, а по нём вашего императорского величества правосудию; то и заключаю, что не могу приличнейшего сыскать из оного употребления, кроме учреждения призрительного училища бедным и беспомощным сиротам, и тем за Его благодать принести благодарение, а по нём посвятить сие училище вашему императорскому величеству, в котором призреваемое юношество всегдашние будет за дражайшее вашего величества здравие приносить молитвы. Я большую часть имения моего на сие посвящаю, и могу совестью и честью всемилостивейшую мою монархиню уверить, что сия безкорыстная жертва не растворена плачем и рыданием людей мною притеснённых, но из нажитого трудами и неусыпанным бдением иждивения, которое приобретая, не учинился я виновным ни малейшею ближнему обидою, ни казне ущербом, а стечение только обстоятельств, споспешествуя моим предприятиям, возрастили оное.

„К вышесказанным двум весьма сильным причинам есть третья: вина общая от Всевышнего дарованные радости, рождением его императорского высочества благоверного государя и великого князя Александра Павловича и умножением императорского вашего величества дому, всем россиянам любезного и драгоценного. И сие происшествие, за которое Россия по Боге вашего императорского величества премудрому обязана промыслу, будет исчислением времени того призрительного училища, которое я соорудить предприимлю, если оное Всевысочайшего вашего величества удостоится утверждения.

„Место к тому мною избрано то самое, где судьба определила мне родиться, а именно дворцовое село Любучи, состоящее в уезде Переяславля Рязанского. На каком же основании, по моему слабому знанию, и из какового количеством денежного иждивения я оному содержание полагаю, и о всём до того принадлежа-

щем, при сём всеподданнейше подношу начертание, жалея при том, что ныне не могу большего числа посвятить на сию общую пользу.

„Удостоите, всепресветлейшая государыня, милостивого принятия сие рабское предприятие, а ежели оное удостоится и высочайшего вашего императорского величества утверждения, то сочтёт сие себе за величайшее счастье и милость

Вашего императорского величества

всеподданнейший раб

московский купец Пётр Ларин“¹⁾.

К этому прошению Ларин приложил две бумаги, где излагал свой проект любучского училища и банка. По важности, характерности и историческому интересу их, я считаю необходимым представить их здесь во всём объёме.

1. Предуведомление. „Прежде нежели предложатся статьи о предприемленном к заведению призраительном училище, потребно сказать о географическом и топографическом положении того места и жителях оногo, в котором сему училищу быть назначивается. Дворцовое село Любучи лежит в округе Переяславля-Рязанского при устье реки Цны, в Оку впадающей; от Москвы в 130, от Переяславля-Рязанского в 60, от Владимира в 140, а от Коломны вниз по Оке реке в 30 верстах; в оном селе Любучах по 3-й ревизии 557 душ; земли у них число довольное, но она к хлебопашеству никакими трудами и рачением удобною сделана быть не может. Разлитие рек Цны и Оки, ежегодно бываемое, понимает не только все поля, но во многих местах и самые селения, почему издревле поселяне никакого хлеба не сеют, а пользуются одними сенокосами. Но как сия часть земледельческого наследия не приносит им не только того, чем бы оплачивать государственные подати и оброк помещичий, но и на пропитание не доставляет; то они издревле же по необходимости приобыкли к разным промыслам и торговле хлебом, рыбою, мёдом, воском, салом, всяким скотом и кожами, также они служат у купцов в работниках и прикащиках, перевозят товары и казённую соль водяным путём; словом от промыслов приобретают всё своё достояние. Но как сие село, подобно прочим селениям, не имеет никого к научению своих малолетних, кроме священника и его причета, которые большею частию из крестьянства выходящие, едва только чтению, грамоте российской учить удобны, а потому бедные отроки и остаются без всякого к их будущим промыслам знания, и, служа купцу в работниках и прикащиках, единственно за одно грамоте незнание, и быв чрез то к счётам и расчётам неудобны, не только самую низкую получают плату, но часто от

незнания своего при разделках с хозяевами претерпевают неудовольствие, и за многолетнюю службу или ничего или очень мало получают, да и собственных своих малых промыслов с основанием и верностью вести не имеют пособия, а ещё меньше того и знания, когда и каким образом тем пользоваться, и потому они много трудятся, но мало получают.

Заводящий сие училище имеет сугубое намерение: первое, согласовать учение малолетних с нынешним отцов их и впредь быть могущим, самих обучаемых, состоянием; второе, призрение бедного юношества, не имеющего от родни помощи и совсем без родных, каковых во всяком селении довольно бывает; и каковые, как остающиеся в бедности, от своеволия гибнут, вместо того, чтобы быть полезными обществу, по их состоянию и званию.

II. Статьи к учреждению и к содержанию призрительного училища.

1. Учредитель оного назначает на сие богоугодное и к прославлению Вашего Императорского Величества царствования училище 50 000 рублей. Из сего числа 20 000 рублей на строение, а 30 000 рублей в иждивение на всегдашнее время, с тем, чтобы

Примечания

¹⁾ Текст мною выписан из архивского дела министерства народного просвещения. У г. Волховского он был передан не вполне верно.

и в память великой Екатерины, матери отечества, воздвигнуть монумент, с надписанием, что сие благотворное здание учреждено и построено во дни преславного вашего императорского величества царствования и удостоено священного вашей монаршей особы покровительства».

Мы видим из этого важного национального нашего документа, что Ларин, хотя и купец, занят был здесь мыслью, совершенно чуждою и недоступною в то время не только русским купцам, но и более высокому, интеллигентному слою нашего общества. Кто стоял повыше других, по положению и средствам своим, хлопотал только о том, чтобы дать своим детям что-то в роде лоска французской образованности, понятой очень худо и лишь самым внешним образом. Только сама императрица, и, быть может, очень немногие из лучших русских людей того времени, задумались о необходимости образования для общей народной массы, и помышляли о практическом осуществлении его для многомиллионного русского населения. В «Учреждении губерний» 1775 года, Екатерина II предписывала приказам общественного призрения «стараться устраивать народные школы по всем городам,

а потом и в тех селениях, кои подсудны Верхней Расправе, для всех тех, кои добровольно пожелают обучаться в оных», с тем, «чтобы неимеющие могли учиться без платежа а имущие за умеренную плату». Но все это было только на бумаге, и должно было еще долго оставаться в таком положении. И вдруг, через какихнибудь 2 года после опубликовании великого законоположения Екатерины II, является какой-то купец, вышедший еще недавно из мужиков, полжизни проведенный в кабацкой службе, является—и первый из всех русских подает императрице готовый во всех частях, совершенно выработанный проект, которым желает немедленно же, в одном из уголков России, положить почин одному из самых великих и благодетельных намерений русской императрицы, мыслящей по-европейски—намерению покрыть наше отечество сетью народных школ.

Никак не должно думать, что предположение Ларина было единственно внушено мыслью Екатерины II и одним из параграфов «Учреждения губерний»: если бы это было так, то при своем благовейном обожании императрицы, столько раз высказанном, и даже (по тогдашним привычкам) в форме несколько раболепной, Ларин непременно прямо так и сказал бы это—но ни малейшего намека на это мы не встречаем ни в его прошении, ни в «проекте» училища. Далее в своем проекте Ларин говорит о намерении завести народное училище не как о какой-то мысли новой и при том касающейся целой России но мысли уже давнишней, постоянно занимающей его и вытекающей прямо непосредственно из его взгляда на то, что с молодости совершалось у него перед глазами на месте родины его, в селе Любучах. Наконец и самые предметы преподавания, назначаемые им для любучского училища, гораздо обширнее и много стороннее тех, что исчислены в ст. 384-й «Учреждения о губерниях» императрицы Екатерины II. Здесь говорится: «Учение в народных школах имеет на первый случай состоять в научении юношества грамоте рисовать, писать, арифметике, детей же грекороссийского исповедания учить катихизису; для познания оснований православной веры, толкованию десяти заповедей, для вкоренения нравоучения всеобщего»—и только; Ларин-же пропускает, правда, рисование (значение которого в народном образовании он, быть может, не оценил), но за то в его курс преподавания для любучан должны были входить следующие предметы, кроме учения грамоте и правилам русского языка: закон Божий, арифметика, и часть геометрии, познание русской торговли, бухгалтерия: сверх того, французский и немецкий язык для желающих. Все это вместе показывает самостоятельность проекта Ларина и полную его независимость от закона Екатерины II.

Во всяком случае императрице должно было конечно, в высшей степени быть приятно намерение одного из её подданных, так близко совпадавшее с её соб-

ственной мыслью, и она немедленно дала свое соизволение на все просимое Лариным, исключая того, что касалось собственной её личности. В именном указе на имя гофмейстера Елагина, от 12 марта 1778 г., сказано: «Похвальное намерение московского купца Петра Ларина завести на иждивении своем призрительное училище уезда Переславля-Рязанского в дворцовом селе Любучи, яко месте его рождения, являет в нем гражданина, о пользе общей усердно попечительного. Мы, приемля за благо начертание сему училищу, нам от него поданное, не токмо соизволяем, чтобы оное имело действие, но и всемилостивейше тому пособствуя, повелеваем вам, первое, землю, им просимую, отдать для построения училища, распорядив, чтобы сходно содержанию прошения его, крестьяне, на помянутой земле живущие, без убытка их и лишения нужных выгод переселены были. Второе, оставляя главное смотрение над всем сим заведением нынешнему основателю, увольняем его от гражданских служб. Третье, что до выражаемого в том же начертании звания монумента, объявите ему, что вместо того предполагаемое на оный иждивение, к лучшей нашей благоугодности, может он присовокупить в дополнение на то же самое училище. Исполнив по сему от вас зависящее, препроводите прошение его к нашему генералу-поручику Кречетникову, на которого учреждение наместничества рязанского от нас возложено, дабы, по установлении того наместничества и со стороны правления тамошнего всякому сему доброму делу пособие чинено было, согласно нашим учреждениям и законам 2)».

Гофмейстер Елагин поспешил передать Ларину содержание этого высочайшего повеления в выражениях, менее официальных, чем дружеских, так что можно, по его письму, предполагать, что уже до представления проекта императрице, он знал о нем—и может быть даже участвовал в его редакции. Елагин написал Ларину 4 апреля: «На всеподданнейшее прошение ваше о заведении в дворцовом селе Любучах призрительного училища, с воспоследовавшего её императорского величества на имя мое данного указа, я, для радостного вам сведения при сем засвидетельствованную мною копию препровождаю, прилагая при том копию ж с подаваемого от вас её императорскому величеству письма и начертания того училища и желая по благонамерению вашему счастливого успеха в сем благоугодном деле». Вслед за тем главная дворцовая канцелярия, «данною» от 16 апреля того же 1778 года, отвела Ларину, в селе Любучах, просимое им место под училище, всего вверх по Цне 80, а от реки в поле 400 сажень.

Но Ларину не суждено было увидеть открытие своего училища. Повидимому, он намеревался посвятить ему отныне все свои заботы, и как кажется, переселиться даже для того в Любучи: мы можем заключать об этом последнем намерении из того, что он просил императрицу назначить его смотрителем училища и

банка и освободить его (и будущих зрителей) от гражданских служб, так как его намерение сопряжено будет со многими попечениями, для общества же служение знаменующими, а особливо при самом заведении и в некоторых потом годах». Ничто из всех его предположений не исполнилось при его жизни. После утверждения его проекта императрицею, он жил в Москве, куда приехал, конечно, лишь на некоторое время, потому что оставил в Архангельске свою жену Пелагею (отчество её и фамилия до замужества не известны) и малолетнюю дочь Наталью. Из Москвы ему уже не привелось выехать: он скончался там, 22 августа 1778 года, повидимому, совершенно внезапно, потому что не успел даже составить духовного завещания, о котором говорит в прошении императрице. Вскоре потом тело его перевезено в Любучи, где и похоронено в построенной им церкви.

Церковь и дом Ларинского училища в селе Любучи Рязанской губернии (иллюстрация из издания 1913 г.)

В одном из архивских документов министерства народного просвещения находится сведение, что Ларин похоронен «в любучской церкви, у правого столба», а нынешний смотритель любучского ларинского училища, Н. И. Барсуков, сообщает мне еще следующие подробности: «Тело Ларина было доставлено, по сказанию некоторых жителей, из Москвы в Любучи, в весеннее время, водой, и прах его покоится в гробе, помещенном рядом с двумя другими гробами (вероятно его родителей) в правом приделе построенной им церкви, под настанным чугунным церковным полом, в общем каменном склепе. Года три назад, при поправке этого чугунного пола, покойный священник села Любич, В. Некрасов, из любопытства ве-

лел разобрать несколько кирпичей в своде и таким образом при помощи свечи, рассмотрел в склепе три дубовые, совершенно неповрежденные гроба. Сверх чугунного пола, над склепом, в церкви поставлен литой из чугуна памятник, в форме продолговатого стола, на верхней доске вылита следующая надпись: «Здесь покоится прах Петра Даниловича Ларина, с.-петербургского (?) 1-й гильдии купца, уроженца села Любуч. Создателю храма сего, основателю ларинского училища и банка, благотворителю сира и убога, другу человечества—воздвигается на память сие усердными его почитателями. 1822 года июня 29 дня. Благий рабе и верный, вниди в радость Господа твоего». В 1875 году, при возобновлении нижней церкви и устройстве там новых богатых иконостасов, памятник этот весь вызолочен и покрыт стеклянным футляром на средства доброхотных приношений».

II.

Народное училище, предположенное Лариным, не только не было открыто при его жизни, но не получило своего осуществления даже впродолжение целых 40 лет после его смерти. Причиной тому были очень разнообразные обстоятельства.

Первым была пропажа самых денег, назначенных Лариным на любучское училище. Как я сказал выше. Ларин умер в Москве, куда он приехал, повидимому, на короткое время. При нем был тогда несовершеннолетний племянник его, Михаил Ларин (быть может, по купеческому обыкновению, в «мальчиках») и этот юноша похитил, в числе других ценных бумаг дяди, и билеты на 50 000 р., выданные Ларину московскою сохранною казною, передал их на хранение купцу Барукову (быть может и научившему его произвести кражу) и вскоре затем умер в 1780 году. Баруков же, сделав на подлинных билетах фальшивую надпись о передаче Петром Даниловичем Лариным всей суммы племяннику его Михаилу Ларину, и составив затем фальшивый вексель на свое имя от Михаила Ларина в такую же приблизительно сумму, на основании тех документов и при помощи нескольких сообщников, получил эти деньги из сохранной казны в 1785 году. Долгое время эта кража оставалась неразследованною. Но вдова Ларина, хотя и наследовала после мужа значительные капиталы, но, повидимому, подозревала покражу, которой не умела или не могла доказать. Когда же, спустя 8 лет после смерти Петра Ларина, единственная дочь его Наталья вышла в 1786 году замуж за коллежского асессора Василья Васильевича Цыгорова, мать её, Пелагея Ларина, поручила своему зятю, как чиновнику дельцу и сведущему человеку, заняться розысканием похищенного. Цыгорov оказался, действительно, человеком умелым и вполне пригодным для порученного ему дела. После нескольких лет,

Примечания

2) Прощение Ларина с приложениями и именной указ Екатерины II были напечатаны в биографии Ларина, составленной г. Волховским, но с пропусками и с многими очень существенными неверностями. Я даю здесь текст вполне верный, на основании текста, напечатанного в Полн. Собр. Зак. т. XX, стр. 600—604, по исправленному мною, относительно некоторых маленьких неточностей, по делу о Ларине в архиве министерства народного просвещения.

...проведённых в хитрых и ловких поисках (для чего он даже оставил службу), он проследил все подробности по порядку, и результатом всего этого было то, что виновные были преданы суду, а по высочайшему повелению 6 декабря 1803 г. предписано похищенные деньги с процентами взыскать с оставшихся в живых виновников; в пользу же воспитательного дома взыскать с членов окупского совета всю сумму (с причитающимися сверх того процентами), какая по неосмотрительности этих членов незаконно была выдана из московской сохранный казны посторонним лицам ³⁾.

Между тем, пока это высочайшее повеление приводилось в исполнение, вдова Ларина просила, чтоб главное смотрение за имеющим устроиться любучским училищем было поручено зятю её, Цыгорову. Но сенату, которым образом должно быть исполнено учреждение того училища, напел [показал?], что в настоящее время намерение Ларина не может осуществиться, так как значительнейшая часть крестьян дворцового села Любучь, по высочайшему повелению 1797 года отошла во владение генерал-лейтенанта Измайлова (698 душ), а в дворцовом владении оставалось всего только 40 душ; поэтому сенат полагал: вложенные Лариным в опекунский совет 50,000 рублей, и с процентами на них наросшими, по мере вступления их, отсылать на человеколюбивые и благотворительные заведения приказа общественного призрения рязанской губернии, или „предоставить это на рассмотрение и распределение министра народного просвещения для употребления их на те же предметы, где благопотребно явится“. Это последнее предложение высочайше утверждено 6-го декабря 1803, и с тех пор все деньги, взысканные в счёт ларинского капитала, стали поступать в министерство народного просвещения, но вопрос о ларинском училище был на долгое время оставлен в стороне и далее совершенно позабыт.

В начале 1808 года любучские крестьяне генерала Измайлова откупились от своего помещика, за 140,000 рублей, при этом, по высочайшему повелению, и некоторое пособие от казны. Узнав, что любучане стали вольными хлебопашцами,

...и что, значит, намерение Ларина может быть теперь приведено в исполнение, тогдашний министр народного просвещения, граф Завадовский, один из лучших и

примечательнейших государственных людей той эпохи, тотчас же поднял на ноги вопрос о Ларинском училище: в феврале 1809 г. он поручил московскому попечителю, графу Разумовскому, составить смету на постройку и открытие училища, и отправить в село Любучи чиновника, который бы на месте сообразил, что и как может быть исполнено, и представил бы своё заключение о расположении жителей к этому делу.

Вследствие того, в Любучи откомандирован был директор училищ рязанской губернии Дружинин, который донёс, что по его мнению в этом селе можно устроить училище в виде приходского; на построение каменного училищного дома и на покупку для того места (так как отведённое, при Екатерине II, дворцовым правлением, давно уже было застроено крестьянами) нужно до 25,000 рублей, на единовременное обзаведение 610, а на ежегодное содержание — 2,480 рублей. Главное правление училищ одобрило это предположение, но, несмотря на то, вопрос этот ещё раз отошёл на задний план. Очень вероятно, что осуществлению намерений Ларина всего более мешали тогдашние военные обстоятельства и смерть графа Завадовского, последовавшая в 1812 году. Притом, далеко не все похищенные деньги были взысканы, с причитавшимися на них процентами.

Дело это снова возобновил, в 1816 году, зять Ларина, Цыгоров. Мы видели, что ещё в 1803 году не состоялось предположение его тёщи о том, чтоб он был утверждён смотрителем будущего ларинского училища, и сколько он ни просил впоследствии о том же, он всегда получал отказ. Тогда он стал хлопотать о другом. Он был человек богатый: это доказывается тем, что его жена, Наталья Цыгорова, единственная дочь Петра Ларина, в 1797 году имела возможность простить должникам своим 104,000 рублей, числившихся на них ⁴⁾, притом же, по высочайшему повелению императора Павла I, вдове и дочери Ларина выплачена опекунским советом сумма, причитавшаяся им по билету в 80,000 р., похищенному у Ларина, после его смерти, вместе

...вместе с двумя билетами на сумму в 50,000 рублей, назначенную для любучского училища, а на эти 80,000, в течение долгих лет, выросли проценты. Итак, Цыгоров был очень богат: как наследник после жены своей (умершей в 1801 году), и вместе опекун детей, оставшихся после неё. Но, по-видимому, ему было мало своего состояния, и он неоднократно обращался к министрам народного просвещения, сначала графу Завадовскому, а потом графу Разумовскому с просьбою выдавать наследникам Ларина от министерства народного просвещения проценты со всей той суммы, которая оказалась свободною после устройства училища. Но просьбы его постоянно оставались без удовлетворения. Тогда он придумал новый, очень хитрый, по его мнению, проект: он обратился, 6 марта 1816 года, к графу

Аракчееву с просьбою, довести до высочайшего сведения, что он желает устроить, на свой счёт в С.-Петербурге сиропитательное училище, для воспитания мальчиков, оставшихся сиротами после воинов, павших или изувеченных в войне 1812 года. Для этого училища он отдавал свой собственный дом в Петербурге и капитал в 100000 рублей; в вознаграждение же ларинского капитала на том основании, будто Ларин назначал на любучское училище только сумму в 50,000 рублей, а проценты с неё намерен был получать сам.

Граф Аракчеев, раньше доклада прошения Цыгорова государю императору, пожелал узнать мнение министра народного просвещения, и граф Разумовский 26 июля 1816 года подробно изложил графу Аракчееву, на основании слов самого Ларина об его проекте, что и сумма и проценты с неё предоставлены Лариным в пользу любучского училища, а поэтому Цыгоров не имеет никакого права на то, чего требует. „В предположении Цыгорова — прибавил он затем — видно попечение не об инвалидах, а о собственной корысти. Он уступает в пользу инвалидов часть суммы ему вовсе не принадлежащей, стараясь обратить в свою пользу (около 200,000 руб.), а остальные, более полумиллиона, граф Разумовский говорил, что любучское училище, что ещё не взыскана вполне сумма, похищенная после Ларина. Таким образом Цыгоров ещё раз должен был потерпеть неудачу.

Но он не унывал и никоим образом не терял надежды поставить на своём. В августе 1816 года умер граф Разумовский, и Цыгоров не далее как через 3 месяца после того обратился, 9 ноября 1816 г., к новому министру, князю А. Н. Голицыну, с просьбой, где снова настаивал на своих мнимых правах, и говорил, что покойный министр постоянно препятствовал ему в достижении их, „вероятно по давнему его к нему, Цыгорову, нерасположению и мнению, и соизволил отклонить его последнее ходатайство.“ В числе с неприличными и обиднейшими перетолкованием многочисленных, представленных при сем документов (впрочем, по большей части не идущих к делу), находилось любопытное письмо головы и нескольких крестьян села Любучь, от 26 октября 1816 года, где они с большою признательностью изъясняли своё согласие иметь у себя училище, и указывали удобное „для сего благого для них дела“ место в своём селе; в конце же прибавляли: „А мы всем нашим обществом останемся завсегда вечно ближество Петру Даниловичу (Ларину), равно и Наталье Петровне (жене Цыгорова, урождённой Лариной), а вам государю моему телесного здравия и душевного спасения“. Но и эта новая просьба не пошла Цыгорову впрок: князь Голицын отвечал ему, что за силою высочайше утверждённого доклада сената 6 декабря 1803 г. министерство не может входить в рассмотрение его прошения об отделении процентов из капитала в пользу наследников Ларина.

Затем, в начале 1817 года внук Ларина, штабс-капитан Пётр Цыгоров, и три его сестры: Елизавета, Анна и Наталья, вероятно по научению отца своего, попробовали ещё раз счастья, и принесли на высочайшее имя прошение, но и оно потерпело отказ.

После этого, к началу 1817 года, уже не существовали более все те причины, которые до тех пор препятствовали осуществлению мысли Ларина: похитители его суммы, давно разысканные, уплатили наконец всё с них причитавшееся ⁵⁾; любучские крестьяне были опять свободны, и сверх того сами же [продолжение на стр. 22]

...устроили училища; наконец, окончательно и навсегда устранены были странные домогательства Цыгорова на значительную часть ларинской суммы.

Но всё-таки за Цыгоровым была та заслуга, что в продолжение почти 20 лет он не давал этому делу заснуть, сделал в начале все нужные розыскания, потом тревожил и повелил [тормошил?] множество должностных лиц и присутственных мест, и хотя никогда ничего не достиг лично для самого себя и своего семейства, но сделал то, что мысль Ларина не затерялась и не погибла. Кажется, не подлежит сомнению, что не будь Цыгорова, его ревности к делу, его розысков по горячим следам, а впоследствии помянутых его настойчивости — деньги Ларина безвозвратно бы пропали ещё в самом начале, и, значит, ровно никогда бы ничего не вышло из всего, предположенного Лариным.

Именно под влиянием настояний [настояний?] Цыгорова, князь Голицын, хотя и отказал ему в его просьбе в самом начале своего министерства, но тогда же поручил главному управлению училищ рассмотреть вопрос, какое сделать употребление из ларинской суммы? Главное правление нашло, что учреждение в селе Любучи училища необходимо нужно потому, что на это именно завещана сумма, притом же крестьяне давно уже не состоят более в крепостной зависимости, а комитет министров решил устроить то училище. Поэтому главное правление и поручило: предоставить московскому попечителю отправить в Любучи нарочного чиновника для исследования на месте, какого рода училище должно там быть устроено: в виде ли убежного [приходского?], или какого другого? найдутся ли сироты, или другие дети тамошних недостаточных поселян для поступления в число питомцев при училище, и какие меры надо принять к содержанию их училища? можно ли устроить, при училище некоторого рода банк? Сверх того, по недостаточности средств министерства народного просвещения для открывающихся вновь училищ, особенно в казанской губернии, испросить высочайшее повеление на употребление на этот предмет 50,000 рублей из ларинской суммы, а остальную сумму

Ларина расходовать всегда впредь не иначе, как с особого высочайшего разрешения. Это последнее предположение высочайше утверждено 3 марта 1817 г.

Между тем командированный в Любучи от московского попечителя чиновник, тот самый Дружинин, который выпол-

...выполнил, подобное же поручение за 7 лет перед тем, в 1810 году, донёс, что „жители Любучи находятся в изрядном состоянии, а есть и богатые; из них значная часть служит у винных откупщиков, поверенными, целовальниками и полночи-ками [сидельцами?], другие торгуют хлебом, скотом и другими товарами, и большею частью живут по городам, отчего происходит, что есть между ними люди весьма образованные, не уступающие в этом отношении купцам лучших городов. Поэтому и детей своих, воспитывают уже не так как крестьяне, а как купцы, приготавливая их с малолетства к собственному своему промыслу. По словам их, нет дома, где не было бы грамотного человека. В 1810 году не видно было в них большого расположения к учению, ныне совсем тому противное: все желают, чтобы у них устроено было училище и другие пособия.“

Что же касается до устройства училища и банка, то Дружинин со своей стороны находит это вполне нужным и возможным, и излагает свои по этому предположению. Сообразно этим мнением, с которым был согласен и московский попечитель, по всеподданнейшему докладу главного правления училищ, 14 июня 1817 года высочайше утверждено положение об основании любучского училища, и при этом повелено отпустить из ларинской суммы (которая к тому времени возросла до цифры более 700,000 рублей), по 40,000 рублей на устройство училища и банка, а 120,000 руб. внести в сохранную казну воспитательного дома, для содержания, из процентов, училища.

Узнав о таком высочайшем повелении, Цыгоров сделал ещё одну отчаянную попытку, уже не касавшуюся денег, а только возможности быть причастным к делу ларинского любучского училища (быть может, он всё ещё надеялся попасть в смотрители будущего училища). Он обратился к министру народного просвещения, 14 августа 1817 года, с письмом, где преподавал князю А. Н. Голицыну разные советы насчёт устройства училища, учеников и классов между прочим представлял план училищного дома, сочинённый по его словам, самим Лариным в 1778 ⁶⁾; обещал при этом [...]

Сноски:

³⁾ Всего взыскивалось 457,238 р. 19 к.

⁴⁾ „С.-Петербургские Ведомости“, 25 сентября 1797 г. № 77.

⁵⁾ За некоторых из них, напрм., за действ. стайн. сов. Бецкого, уплачена известная часть из сумм кабинета.

⁶⁾ „На первый случай мой тесть, сообразась с именным высочайшим указом, 12 марта 1778 года, причислив тогда же в село Любучи рязанского помещика, генерал-поручика Кречетникова, и с общего с ним мнения, дабы любучскому училищному дому план в два этажа на потребах.“

Стр. 15 — постройка и открытие Любучского училища, отказ наследникам Ларина, мнение князя Голицына

печатная стр. 24

передать в училище подлинный портрет Ларина, всю свою библиотеку, собранную для сына Петра, 800 томов (из числа которых, по его словам, одно юридическое отделение, заключавшее очень редкое собрание «всем гражданским существующим в России законам», стоит более 25 000 руб. 7), наконец, передавал и все документы, касающиеся Ларина; про себя же рассказывал, что собирается написать подробную и полную биографию своего тестя, с тем чтоб напечатать её на свой счёт и отдать значительное количество экземпляров в любучское училище, для продажи; посвятить же эту книгу он желал князю Голицыну. Но ни обещания, ни советы ничуть не помогли Цигрову: смотрителем ларинского училища он всё-таки не был сделан, а дом училищный построен по проекту архитектора Соболевского, состоявшего при московском попечителе. При этом сам министр предписал некоторые изменения в плане и фасаде для «большей симметрии», по его словам: так, например, князь Голицын требовал, чтоб входная дверь была непременно по середине фасада, а не сбоку, как назначал архитектор; чтоб количество окон направо и налево от входной двери было непременно равное, и т. д.

В июне 1818 года совершена закладка училищного дома, при чём Дружинин должен был донести московскому попечителю, что некоторые из крестьян села Любучей оказали буйство при закладке и «по невежеству» старались помешать ей, но благомыслящее большинство взяло над ними верх, порядок был восстановлен, и даже устроена была подписка на сооружение памятника Ларину, перед училищ-

ным домом. Постройка училища кончена летом 1819 года, и оно открыто 6-го августа того же года. Учеников поступило 19, вольно-приходящих было до десяти. Дом стоил 45 793 рубля. Что же касается до банка, то он по объяснению Дружинина не мог быть открыт в это же время «по неимению желающих пользоваться ссудами». Открыт он уже гораздо позже, 5-го марта 1820 г., новым директором рязанских училищ, Татариновым, который при самом торжестве открытия сдал 40 000 рублей любучскому голове и трём старшинам. Жители же

печатная стр. 25

села, в знак своего удовольствия и признательности, пожертвовали, при этом случае, 200 р. на рязанскую губернскую гимназию.

После того, об употреблении ларинского капитала на любучское училище вопрос возник всего только один раз.

В 1822 году обер-квартирмейстер отдельного литовского корпуса, полковник Малиновский, женатый на одной из внучек Ларина, подавал в комиссию прошение, от имени своей жены и двух её сестёр, на высочайшее имя, где доказывал права наследников Ларина на проценты с капитала, завещанного дедом его жены на любучское училище. По высочайшему повелению, эта просьба была передана в комитет министров, который 3 февраля 1823 года положил: наследникам Ларина отказать в их неправильном домогательстве. «Поелику же — прибавлено в заключении — из капитала, пожертвованного Лариным, высочайше повелено было употребить до 50 000 руб. на другие училища, а об остальной сумме докладывать всякий раз его императорскому величеству, то комитет считает, что вся помянутая сумма, на лицо ныне находящаяся, сообразно с волею завещателя должна принадлежать тому заведению (любучскому училищу), и не может быть обращена на другие предметы министерства просвещения; в противном же случае, когда намерение завещателя в точности исполнено не будет, то никто пожертвований делать не станет». Но министр народного просвещения, князь А. Н. Голицын, не согласился с общим заключением комитета, и подал особое мнение, где писал, что «воля купца Ларина действительно уже выполнена в точности, учреждением любучского училища и банка. Училище учреждено соответственное пространству и населению села любучь, для пользы жителей, для которых Ларин и предполагал только оное, и даже сам ограничил двадцатью числе воспитанников, на счёт онаго содержаться имеющих. Степень сего училища определена такая, какая для состояния сего рода людей именно прилична, ибо на обширнейшее обучение они и не стали бы отдавать своих детей. Если же распространить сие училище для принятия в оное юношества из посторонних мест, то кроме того, что сие не было целью заве-

щателя, оказалось бы без сомнения и напрасным, ибо верно никто, или по крайней мере мало кто из посторонних согласился бы отдавать своих детей

Стр. 16 — доводы об училище и банке, высочайшее утверждение 1817 г., письмо Н. И. Барсукова о состоянии училища (1876)

печатная стр. 26

на воспитание в сие село, а предпочёл бы на то губернские или столичные училища. Таким образом, училище, в селе Любучах учреждённое, вполне удовлетворяет намерениям завещателя, и самым словам, в коих воля его изображена. Что касается до банка, то сумма 40 000 руб. более нежели достаточна для нужд жителей сего села, коих по ревизии числится 777 душ. Для большей суммы неостанет у них и обеспечения; ибо село сие едва имеет столько участков земли, сколько по положению следует на обеспечение всего отделённого для банка капитала, так что онаго достанет вполне для каждого из сих хлебопашцев. Притом жители села Любучь обязаны всем миром ответствовать за целость сего капитала, который раздаётся с общего приговора головы и трёх избранных старшин. Посему весьма ясно, что капитал банка не только не нужен быть увеличен для села Любучь, но при всяком умножении онаго оказался бы излишен и даже обременителен для жителей, ибо охранение его в том месте не требует обширнейшего дома, какового там нет, определения большого числа людей для надзора и управления и вящего обеспечения, которого жители и село дать не могут. Распространение же банка для того, чтоб и другие кто-либо, кроме любучских крестьян, могли получать там ссуды, будет вовсе неуместным, и будет совершенно неудобным в исполнении и невозможным 8). Всё сие было вполне соображаемо, по достаточном на самом месте обзрении села Любучь и образа состояния жителей, и вследствие того по рассмотрении в главном правлении училищ, на поднесённый от онаго доклад, 14 июня 1817 года последовало высочайшее утверждение». В заключении, князь Голицын признавал справедливым «оставить всю сумму, процентами с капитала Ларина составившуюся, в распоряжении министерства народного просвещения, на предметы его цели соответственные, и не употреблять ни на что постороннее». Го-

сударь император утвердил положение большинства членов комитета министров. Почему, однако же, это постановление не осуществилось, из архивских дел не видно, и любучское ларинское училище

печатная стр. 27

продолжало существовать только на те средства, какие уделены ему были постановлением 3 марта 1817 года.

Таким образом, великолепное намерение Ларина вполне осуществилось лишь спустя 42 года после того, как он выразил его императрице Екатерине II и внёс нужные на то деньги в государственное учреждение. Дело не приходило к концу раньше, не смотря на несколько постановлений даже высших государственных установлений: сената и комитета министров. В настоящую минуту, училище существует более полу столетия. Принесло ли оно действительную пользу, и какую именно, а также, в каком оно теперь находится положении, мы можем судить из следующих слов одного письма Н. И. Барсукова ко мне: «Учащихся в этом училище теперь (1876) 75, из них 20 детей беднейших крестьян и преимущественно сирот села Любучь, по желанию Ларина, воспитываются на счёт самого училища. Жители охотно отдают детей своих в учение, так что в Любучах, в настоящее время, почти нет никого из взрослых, кто бы не получил образования в Ларинском училище. С открытия его в 1819 году, было по настоящее время учащихся 1106 человек. Самое училище, как по зданию своему, так и по образованию, далеко превосходит все сельские училища рязанской губернии. Оно состоит из трёх классов, из них один приготовительный, и помещается в собственном, каменном 2-этажном доме. В училище полагается 1 смотритель и 6 учителей. Предметы преподаются следующие: закон Божий, русский язык, арифметика, главные основания геометрии, техническое рисование, черчение, чистописание и церковное пение. Сверх того кратко преподаются русская история и география. В свободное же от занятий время, воспитанники обучаются ремёслам: столярному и слесарному по 1½, или по 2 часа ежедневно. — Население села Любучь, по духовным росписям за 1775 год, значит-ся в 1135 душ мужского пола, но из них живут на стороне, для своих промыслов (как известно из тех же росписей), 583 души, так что живут в Любучах всего 552 человека».

В заключение всего этого остаётся прибавить, что громадно разросшиеся Ларинские суммы послужили впоследствии ещё на следующие цели народного образования в России. В течение времени от 1828 до 1835 г. по высочайшему повелению построены залы императорской публичной библиотеки,

Стр. 17 — «ларинская зала» и Ларинская гимназия в Петербурге (1836), история портрета Ларина в Публичной библиотеке

печатная стр. 28

идушие от угла Невского проспекта по площади монумента Екатерины II, на что отпущено 127 000 рублей, и одну из зал император Николай I, при посещении библиотеки 24 июля 1835 года, повелел назвать «ларинскою» 9).

Во всеподданнейшем докладе императору Николаю, министр народного просвещения С. С. Уваров писал, в декабре 1836 года: «Непрестанно возрастающая, с умножением народонаселения в С.-Петербурге, потребность образования юношества, в особенности для среднего класса людей, становится более и более ощутительною, и родители недостаточного состояния крайне затрудняются в приискании к тому благонадёжных способов. Притом же 2-я и 3-я гимназии находятся обе на одной стороне Невы, а потому для жителей васильевского острова, петербургской и Выборгской стороны, посылать детей своих в сии отдалённые заведения вообще неудобно, а иногда и вовсе невозможно». Поэтому Уваров просил разрешения употребить на покупку дома и устройство гимназии, на Васильевском острове, до 110 000 рублей из состоящего при департаменте народного просвещения ларинского капитала, простирающегося свыше 800 000 рублей. «Если б — прибавлял он — сверх вышесказанной суммы 110 000 отделить ещё на учреждаемую здесь гимназию до 400 000 рублей из ларинского капитала, дабы процентами с сей суммы содержать определённое число воспитанников, то сия гимназия, учреждённая щедрым пожертвованием Ларина и частью содержащаяся из того же источника, могла бы по справедливости принять имя своего благотворителя и именоваться «ларинскою». Таким образом самое пожертвование Ларина достигло бы цели своей и сим распоряжением благая воля дарителя была бы исполнена с значительною пользою для жителей столицы». Император Николай написал на этом докладе 8 декабря 1834 года: «Совершенно согласен», и ларинская гимназия была открыта в Петербурге 15 августа 1836 года.

Наконец из того же капитала отпущена сумма на постройку здания для решёвского лицея с гимназиею в Одессе.

Приложенный к настоящему очерку портрет Ларина очень точно скопирован с оригинала, помещённого в «ларинской зале» императорской публичной библиотеки и пожертвованного

печатная стр. 29

библиотеке, в 1859 г., вдовою полковника, Натальей Васильевною Евдокимовою, урождённою Цыгоровою, т. е. внучкою Ларина, и дочерью его единственной дочери Натальи (в замужестве Цыгоровой). Пожертвование это произошло совершенно случайно. Однажды, в декабре 1859 года, один из библиотекарей, сопровождая, по обыкновению, толпу посетителей, рассказывал ей, в ларинской зале, о пожертвовании Лариным значительной суммы, при Екатерине II, и прибавил, что из этой суммы возведена впоследствии и эта «ларинская зала», но к сожалению, до сих пор нигде нет портрета Ларина, и неизвестны черты лица этого великодушного и образованного купца. Тут из толпы посетителей выделилась маленькая старушка, и подошла к библиотекарю. «Что вы это изволите говорить, батюшка? Я немножко глуха, не расслышу», сказала она. Библиотекарь повторил своё сожаление. «Э, батюшка, что же это я прежде не знала, никто не сказал мне, что нужен портрет Ларина. Я его внука, у меня есть портрет. Приезжайте ко мне, я с удовольствием отдам его библиотеке». И в тот же день в императорскую публичную библиотеку переселился настоящий великолепный портрет. Вышеупомянутый библиотекарь видел у г-жи Евдокимовой другой небольшой портрет Ларина, может быть оригинал, но не взял его потому что он показался ему очень почерневшим и худо написанным. В фоне у него не было представлено никаких строений. Где находится теперь этот маленький портрет, я не мог розыскать, не смотря на все мои старания. Что же касается до портрета императорской публичной библиотеки, то, как видно из подписи на портрете, его писал в 1818 году академик Алексей Волков, превосходный ученик знаменитого нашего живописца Левицкого: это и объясняет совершенство исполнения и колорита этого портрета. В приведённом выше письме от 14 августа 1817 года, Цыгоров писал князю А. Н. Голицыну: «Дабы ознаменовать благотворение и достоинство моего тестя, в обязанность себе я поставлю иметь в училище портрет его, который с находящегося у меня оригинала поручил я написать искусственную кистью г. профессору Волкову. Он на сих днях представит эскиз на апробацию вашего сиятельства, с тем, какие прикажете означить на сем портрете цвета платьям питомцев, поелику они разных сословий». Цыгоров переменял впоследствии своё намерение, и не отдал ларинскому училищу

Сноски:

7) Это намерение никогда не было осуществлено, и ни единой книги из собрания Цыгорова, а равно никакого портрета Ларина от Цыгорова не поступало в Любучское училище в дар. Напротив, не смотря на все просьбы, он впоследствии долго отказывался дать училищу даже копию с портрета Ларина на собственный счёт училища. Об этом будет ещё говорено ниже.

8) Заметим, что князь А. Н. Голицын совершенно забывал при этом слова самого Ларина в его проекте: «Учредитель станет чинить помощь ссудю преимущественно поселянам села Любучь, а если оные всего того на себя не обратят, то и сторонним».

9) Путеводитель по императорской публичной библиотеке. С.-Петербург 1852, стр. 24, примечание.

картины Волкова — потому ли, что картина ему нравилась, потому ли, что не смотря на все свои уверения, мало заботился, в действительности, о любучском училище, и, не добившись от министра ни доли в ларинском наследстве, ни управления любучским училищем, перестал об этом последнем и беспокоиться. Так или иначе, но только от Цыгорова никакого портрета Ларина в подарок любучскому училищу никогда не поступало.

На портрете публичной библиотеки, Ларин представлен в пудренном парике, малиновом бархатном кафтане и белых шелковых чулках. В руках у него бумага с сургучною печатью на краю: вероятно это „данная 1778 года“. Он сидит в креслах, на балконе: можно предполагать, что художник желал изобразить здесь балкон того дома, который Ларин думал построить себе в Любучах, по переселении туда в качестве смотрителя своего училища. В фоне, налево у самого края картины дерево; вдали видна церковь, с колокольнею. Направо, на возвышении из 4-х ступенек, какое-то строение с колоннами: туда устремляется по ступенькам целая толпа крестьянских мальчиков; они сняли шапки, и входят в него. Должно полагать, что академик Волков хотел изобразить здесь любучскую церковь и училище, но так как он не видал их, да притом, постройка училищного дома в 1818 году не была еще кончена, то он изобразил только собственные выдумки. Н. И. Барсуков пишет мне: „Все это создала фантазия живописца, писавшего портрет Ларина в С.-Петербурге. В натуре, и здание училища и церковь совсем не таковы“. В заключение, замечу только еще, что портрет Ларина, принадлежащий императорской публичной библиотеке, написан превосходно. Это одна из хороших картин старой русской школы. Почти в самом центре картины, на пустом пространстве, приходящемся между головой Ларина и колоннадой, написано черною краскою: „А. Волков 1818“.

С этого портрета существует две копии, в размерах оригинала: одна в любучском ларинском училище, полная, другая в С.-Петербургской ларинской гимназии, сокращенная (относительно чёрного фона).

Касательно первой, Н. И. Барсуков сообщил мне следующие данные из архива любучского училища. Правящий должность смотрителя этого училища, Гер. Ив. Дмитриевский, 5 июля 1821 года благодарил купца Варл. Сем. Миликова, которого он называет уроженцем Любучей, и который в то время жил в Петербурге, на Вас. острове), за книги, присланные в дар, для раздачи в награду ученикам, и затем прибавил: „Смею вам предложить, хотя лично вас и не знаю, что ларинское училище, коему вы по любви и усердию своему благодетельствуете, весьма интересуется и желает иметь портрет П. Д. Ларина, ако основателя оногo, и хранить в училище оный в гостеприимной комнате для незабвенной памяти бессмертных его благодеений; но к крайнему моему сожалению не знаю, где его портрет видеть. Я думаю, что вы знаете зятя Петра Даниловича, Вас. Вас. Цыгорова, то постарайтесь сходить к нему и спросить его, нет ли у него портрета Ларина, и буде есть, то попросите г. Цыгорова, чтоб он приказал снять искусному живописцу списать с его портрета на счет суммы ларинского училища“.

Сентября того же года, Дмитриевский писал Миликову: „Весьма жаль, что В. В. Цыгоров не соблаговолил приказать воспрепроводить копии с портрета П. Д. Ларина“, и далее: „Весьма бы вы ни одолжили и облагодетельствовали училище, если бы убедили склонить благоразумием, г. Цыгорова, чтобы он позволил и согласился дать снять копию с портрета П. Д. Но как он вас беспокоит, разве что прикажет г. директор“. По-видимому, Миликову вследствие этого письма удалось таки уговорить Цыгорова, столь долго притворявшегося доброжелателем ларинского училища, а теперь совершенно к нему охладевшего: спустя год, 26 августа 1822 года, Дмитриевский писал директору разных училищ, что просил Миликова о скорейшем закончании и присылке портрета Ларина; 9 же февраля 1823 года, Дмитриевский уведомил об этом Миликова и училище, о получении из Петербурга, от Миликова, портрета Ларина, с рамой, и 86 экземпляров разных книг, пожертвованных им училищу для награды учеников при публичных экзаменах. В „Исторической записке о ларинском училище за 1823“ (хранящейся в архиве училища) описывается торжество утверждения на месте портрета Ларина, и про него сказано, что он „писан академиком Волковым“. Но был ли в 1822 г. жив академик Волков, и действительно ли сам он писал эту копию, на то нет документов, в С.-Петербургской Академии художеств неизвестно. За копию же эту Миликов послал в любучское училище, 18 марта 1823 г., 400 р.

Другая копия списана с портрета императорской публичной библиотеки для С.-Петербургской ларинской гимназии; она списана в 1862 году, капитаном 1 ранга Розенбергом, и помещена в актовой зале. На этой второй копии не написано в фоне (быть может из экономии) ни пейзажа, ни церкви, ни построек около училища.

Вл. Стасов 1913.

День ангела Петра Даниловича Ларина воспоминается 21-го числа декабря месяца.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Факсимиле издания 1913 года

Полное воспроизведение страниц подлинного экземпляра — для тех, кому важно увидеть книгу в её первоначальном виде.

ПЕТРЪ ДАНИЛОВИЧЪ
ЛАРИНЪ.

1735—1778.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ В. СТАСОВА.

Съ портретомъ П. Д. Ларина, видомъ церкви и училища.

РЗЗАНЬ.
Губернская Типография.
1915.

Портретъ Ларина, прилагаемый въ копи при настоящемъ биографическомъ очеркѣ, находится въ императорской публичной библіотекѣ съ 1859 года. Съ тѣхъ поръ, еще чаще прежняго повторились въ „Ларинской“ залѣ этой библіотеки вопросы публички: кто такой Ларинъ? что о немъ извѣстно? какія сохранились подробности о жизни этого великодушнаго и образованнаго купца екатерининскаго времени?—Но на все вопросы приходилось почти ничего не отвѣчать; едва лишь нѣсколько самыхъ общихъ, внѣшнихъ фактовъ можно было разсказать многочисленной толпѣ любопытныхъ, поминутно смѣняющейся въ библіотекѣ,—такъ мало сохранилось извѣстій о Ларинѣ.

Въ 1861 году, въ февральской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ напечатана была небольшая біографія Ларина. Авторъ ея, поручикъ 3-го гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, Константинъ Ивановичъ Волковскій, стоялъ въ 1859 и 1860 годахъ со своею командой въ селѣ Любучахъ (Мезанской губерніи), гдѣ существовалъ училище, основанное Ларинымъ. Его заинтересовала личность этого примѣтельнаго дѣятели XVIII вѣка; онъ собралъ въ архивѣ училища, что могъ, до него относящееся, прибавилъ къ тому разныя біографическія свѣдѣнія, сохранившіяся въ памяти любучскихъ старожитовъ и сообщенныя ему смотрителемъ ларинскаго любучскаго училища, Н. И. Барсуковымъ, и учителемъ того же училища, А. П. Малиговымъ и такимъ образомъ составилъ біографію, впервые знакомившую русскую публику съ историческою личностью глубоко имъ чтимую, но у насъ, къ стыду нашему, совершенно почти забытую.

Я тоже давно полюбилъ Ларина, давно удивлялся ему и задумалъ собрать все, что удалось въ письменныхъ и печат-

ныхъ свѣдѣніяхъ, а также въ сохранившихся мѣстныхъ преданіяхъ и извѣстіяхъ. Для первой цѣли мнѣ послужить архивъ министерства народнаго просвѣщенія съ богатѣйшими его документами, Полное Собраніе Законовъ и нѣкоторые печатныя изданія, которыя я назову въ своемъ мѣстѣ; для второй—письменные свѣдѣнія, которыя мнѣ, съ самою обязательною готовностью, сообщилъ тотъ же искренно уважаемый Н. И. Барсуковъ, нынѣ умершій смотритель любучскаго училища, который 15 лѣтъ тому назадъ помогъ г. Волховскому въ его трудѣ. Такимъ образомъ я получилъ возможность представить публикѣ довольно полныя и совершенно достовѣрные свѣдѣнія о занимавшемъ меня человѣкѣ.

В. Стасовъ.

I.

Петръ Даниловичъ Ларинъ родился, по однимъ извѣстіямъ, въ 1735, по другимъ—въ 1736 году, въ селѣ дворянскаго вѣдомства, Любучи, разсказной губерніи, нынѣшняго зарайскаго уѣзда. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ, по имени Данила Ивановичъ. Сохранилось преданіе, что Петръ Ларинъ, будучи маленькимъ мальчикомъ лѣтъ 8-ми, пасъ стадо, а зямяю ходилъ учиться грамотѣ къ сельскому дячку и помогалъ отцу въ домашнихъ работахъ. Учился онъ очень хорошо, былъ вообще мальчикъ большихъ способностей, но отецъ, по бѣдности своей, не могъ дать ему никакого другого образованія кроме ученыя грамоты, и потому, когда сынъ сталъ подростать, онъ началъ подумывать о томъ, къ какой бы должности его пристроить. Въ это время положеніе жителей села Любучи было незавидное. Мы узнаемъ это изъ описанія Любучей, сдѣланнаго очень обстоятельно самимъ Ларинымъ и представленнаго имъ, въ 1777 году, императрицѣ Екатерицѣ II при знаменитой, исторически-важной просьбѣ, о которой будетъ говорено ниже.

Жители этого села—разсказываютъ здѣсь Ларинъ—не занимаются земледѣліемъ, по неудобству земли къ хлебопашеству, а почти всѣ существуютъ мелкою и крупною торговлею, либо служатъ въ работникахъ и прикащикахъ. Учатся имъ, въ дѣтствѣ, не у кого, кроме священника и его причетниковъ, которые и сами мало знаютъ, а потому любучане, по своему незнанію и безграмотству, много трудятся, а мало получаютъ. По счастью, этого съ Ларинымъ не повторилось: онъ тоже „много трудился“, но никакъ нельзя сказать, чтобъ въ результатѣ онъ „мало получилъ“. Его жизнь сложилась совершенно иначе. Но только одно здѣсь приходится замѣтить. Исчисленія промысловъ и занятій любучанъ своего времени, Ларинъ почему-то не упомянулъ одного занятія ихъ, которое играло, и тогда и послѣ,

важную роль въ числѣ занятій его односельчанъ. Это — службѣ въ качествѣ цѣловальниковъ и подношниковъ по кабакамъ, какъ въ ихъ собственномъ селѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Любучскіе крестьяне приобрѣли также и по этой должности, такую репутацію ловкости и расторопности, что есть преданіе, будто по всей Россіи славилась всего болѣе цѣловальники-макары рызанцы, любучане. И вотъ именно въ этой-то должности началась дѣятельность Петра Ларина. Отцу нельзя было держать его у себя дома, на собственномъ попеченіи; надо было, чтобы 14-лѣтній мальчикъ начиналъ зарабатывать свой хлѣбъ: его и отдали подношникомъ въ кабакъ къ одному знакомому, въ томъ же селѣ. Но здѣсь ему пришлось оставаться не долго: управляющій питейными сборами скоро замѣтилъ его, какъ смѣшного и расторопнаго мальчика, и взялъ къ себѣ въ контору каспронъ. Служба нѣсколько лѣтъ, Ларинъ, пройдя одну за другою расторопности по питейной части, сдѣлался уже управляющимъ питейнымъ сборомъ въ Казани. Точныхъ годовъ всего этого мы указать не можемъ, и первый несомнѣнный годъ, намъ извѣстный, есть 1771 годъ, когда Ларинъ, уже московскій купецъ, взялъ на себя откупъ по городу Архангельску. Въ своей біографіи Ларина, г. Волховскій говоритъ, что онъ, „получая въ Казани хорошее содержаніе и ведя умѣренную жизнь, накопить немного денегъ, и, такъ какъ занятія по питейной части не нравились ему, то онъ передать свою должность управляющаго и переѣхалъ въ Архангельскъ, гдѣ сталъ заниматься торговлею рыбой, хлѣбомъ, пенькою“. Но въ этомъ заключаются двѣ неувѣрности, опровергаемыя фактами, вполнѣ достовѣрными. Ларинъ вовсе не оставилъ занятій своихъ по питейной части въ Казани: ближайшій къ Ларину ченовъкъ, его зять, дѣлецъ, коллежскій ассессоръ Цыгоретъ, представляя, въ 1804 году, доклады о Ларинѣ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому, на заголовкѣ этихъ актовъ называетъ своего тестя „короннымъ повѣреннымъ по казанской и архангельской губерніи“. Изъ этого выходитъ, что до самой смерти Ларинъ продолжалъ вѣсти петейное дѣло въ Казани. Во вторыхъ, тоже и въ Архангельскѣ онъ занимался этимъ самымъ дѣломъ: это мы узнаемъ какъ изъ только что приведеннаго документа, такъ и изъ одной книги, напечатанной въ Петербургѣ, въ 1792 году, подъ заглавіемъ: „Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ“. Авторъ, „архангелогородскій гражданинъ“, Ва-

силій Крестининъ, долго собиравшій наидостовѣрнѣше документы и свѣдѣнія, относящіеся до описываемаго имъ города, въ одномъ мѣстѣ своей книги, въ „Хронологической росписи архангелогородской исторіи“ отмѣчаетъ подъ 1771 годомъ: „Питейный откупъ московскаго купца Петра Ларина освобождаетъ посадъ отъ тяжка и снрашныя службы въ питейныхъ выборныхъ, ларешныхъ, цѣловальникахъ“ (стр. 121), а въ другомъ мѣстѣ, собственно въ исторіи города, говоритъ, что „послѣдовавшій съ 1771 года откупъ московскаго купца Петра Ларина утвердилъ въ здѣшнемъ городѣ продолженіе питейныхъ сборовъ — основанное на договорахъ откупщиковъ съ правительствомъ, богатѣйшихъ сими промысламъ съ казенною пользою“ (стр. 48). Сверхъ того, въ просьбѣ, поданной министру просвѣщенія въ 1817 году, и которую я привожу пространно ниже, зять Ларина, Цыгоретъ, пишетъ, что „Ларинъ доставилъ казнѣ выгоды болѣе 2.000.000 рублей при торгахъ откупныхъ въ 1770 и 1774 годахъ“.

И такъ, Ларинъ былъ по главному роду занятій своихъ — откупщикъ, и не покидалъ этихъ занятій до самой смерти. Но только онъ былъ откупщикомъ рѣшительно отличнымъ отъ большинства прочихъ откупщиковъ: онъ имѣлъ право во всеобщее извѣстіе сказать императрицѣ Екатеринѣ II, въ просьбѣ своей: „Провидѣніе Всевышняго Творца вселенная благословило труды мои, какъ трудолюбиваго гражданина, достояніемъ произведеннымъ мое упованіе... Я большую часть имѣнія моего посвящаю на учрежденіе призрительнаго училища бѣднымъ и безпомощнымъ сиротамъ, и могу совѣстію и честію всемістивѣйшую мою монархиню увѣрить, что сіа безкорыстная жертва не растворена плачемъ и рыданіемъ людей, мною притѣсненныхъ, но изъ нажитаго трудами и неуспыннымъ бдѣніемъ изживденія, которое приобрѣтая, не учинился я виновнымъ ни малѣйшему ближнему обиду, ни казнѣ ущербомъ, а стеченіе только обстоятельство, способствуя моимъ предпріятіямъ возрасти оное“.

Впрочемъ, не смотря на главное и постоянное свое занятіе откупными дѣлами, Ларинъ легко могъ заниматься и другими торговыми дѣлами; очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно торговалъ тоже, какъ говорить г. Волховскій, рыбой, лѣнкой и хлѣбомъ. Сохранилось даже преданіе, что онъ одно время велъ торговлю хлѣбомъ съ Англіею, отправлять туда собствен-

ные корабли, бывалъ самъ въ Лондонѣ и научился говорить по-английски; нынѣшній же смотритель любучскаго ларинскаго училища, Н. И. Барсуковъ, сообщаетъ мнѣ, сверхъ того, извѣстное любучское преданіе, что Ларинъ былъ поставщикомъ хлѣба при высочайшемъ дворѣ. Эти подробности, повидимому, не были извѣстны г. Волховскому, и онъ говоритъ только въ общихъ выраженіяхъ, что въ Петербургѣ, гдѣ онъ довольно часто бывалъ по торговымъ дѣламъ, Ларинъ сошелся съ торговцами домомъ одного богатаго армянина, и впоследствии велъ вмѣстѣ съ нимъ значительную заграничную торговлю. Но такъ или иначе, резульатъ былъ во всякомъ случаѣ тотъ, что Ларинъ, родившійся крестьяниномъ, едва достигнувъ 40-лѣтняго возраста, былъ уже купцомъ 1-й гильдіи и обладалъ очень значительнымъ состояніемъ. Какъ онъ его употреблялъ, какъ шла его жизнь, мы не знаемъ, и откупныхъ занятій—того мы не знаемъ. Одно, что намъ извѣстно, это что около 1776 года онъ построилъ въ селѣ Любучахъ большую двухъ-этажную церковь, о 5 куполахъ, съ тремя (въ настоящее время шестью) приделами и колокольней. Въ приводимомъ ниже проектѣ основаннаго имъ училища, Ларинъ писалъ, что этотъ храмъ «построенъ изъ его иждивенія и его единственными трудами»; внушки же его, въ просьбѣ поданной министру народнаго просвѣщенія въ декабрѣ 1816 г., говорили между прочимъ, что церковь построена на 65,000 рублей, пожертвованныхъ Ларинымъ. Наконецъ, нынѣшній смотритель ларинскаго любучскаго училища, Н. И. Барсуковъ, пишетъ мнѣ по поводу этой церкви: «Изначна каменная, крытая железомъ, двухъ-корпусная церковь отличается какъ величиной, своей, такъ и особой прочностью и цѣлностью строительныхъ материаловъ. Она построена Ларинымъ, должно полагать 1776 года, потому что на одномъ антиминсѣ, болѣе другихъ древнемъ въ этомъ храмѣ, и положенномъ на престолѣ въ нижней церкви (въ приделѣ пророка Иліи), находится надпись: «Освященъ епископомъ разанскимъ и шацкимъ Симономъ въ 1776 году». Про эту же церковь г. Волховскій замѣчаетъ, что это одинъ изъ лучшихъ храмовъ въ цѣлой разанской губерніи и что постройка производилась по планамъ и подъ наблюдениемъ самого Ларина, начиная съ закладки храма и до малѣйшихъ подробностей. Къ этому г. Волховскій прибавляетъ еще, что въ Архангельскѣ Ларинъ построилъ точно такую же церковь, но это наврядъ справедливо: въ подробнѣйшемъ и достовѣрнѣйшемъ описаніи

города Архангельска, помѣщенномъ въ сочиненіи Козьмы Молчанова: «Описаніе архангельской губерніи, С.-П.-б. 1813, 4-я, въ § 3-мъ, стр. 68—71, обстоятельно описаны всѣ 10 церквей, существовавшихъ въ то время, т. е. спустя всего лѣтъ 30 съ небольшимъ послѣ смерти Ларина, въ Архангельскѣ, но ни одна по времени построенная или возобновленія своего, не относится къ тѣмъ годамъ, когда Ларинъ былъ въ Архангельскѣ.

Наконецъ, г. Волховскій приводитъ еще дошедшее до него извѣстное преданіе, что умъ и состояніе Ларина дали ему доступъ въ лучшее петербургское общество и къ блестящему двору императрицы Екатерины II. Последнее мало вѣроятно, потому что въ своей просьбѣ конца 1777 года, т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей, Ларинъ считаетъ необходимымъ объяснить императрицѣ разныя подробности о своей личности. Такъ онъ въ началѣ говоритъ: «Прежде нежели представлю мною предпріимое, долженъ буду довести о себѣ вашему императорскому величеству», и затѣмъ разсказываетъ, что онъ теперь «купецъ московскій», а прежде былъ крестьянинъ—все это было бы въ настоящей просьбѣ излишне, еслибъ императрица знала его уже раньше. Что же касается до того, что Ларинъ имѣлъ доступъ въ высшее столичное общество (московское или петербургское), то это довольно правдоподобно. По крайней мѣрѣ, судя по портрету его, дошедшему до нашего времени, гдѣ онъ представленъ въ богатомъ французскомъ кафтанѣ, въ гудрѣ, чулкахъ и башмакахъ, надо заключать, что онъ уже и костюмомъ отличался отъ тогдашняго русскаго купеческаго общества, и вѣроятно во всемъ слѣдовало, касательно образа жизни своей, примѣру тогдашняго большого свѣта.

Но богатство, блестящія связи и положеніе въ обществѣ не испортили Ларина и не затѣнили свѣтлаго его ума. Напротивъ, именно въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, на верху счастья и богатства своего, онъ задумалъ и совершилъ то дѣло, которое сдѣлало изъ него одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашей исторіи и сохранило навсегда черты его великодушнѣйшей, честной и симпатичной личности, гдѣ главное нотою звучали—человѣчность и забота о народномъ благѣ.

Въ концѣ 1777 или въ началѣ 1778 г. Ларинъ подалъ императрицѣ Екатеринѣ II слѣдующую, необыкновенно примѣ-
зательную просьбу:

нак-
при-
у обл-
ствъ.
намъ
ости,
гдара
ампе-
знаго
Богъ
аслу,
ища,
шаго
пре-
ящее
и, по
снаго
при-
таніе,
итиъ
наго
исо-
со-
гдѣ
важ-
таю
атся
ишъ,
оло-
наго

Всепресвѣтлѣйшая Государыня

Всемилостивѣйшая мать отечества!

„Удивленный и исполненный почитанія къ премудрости и щедротѣ вашего императорскаго величества какъ добродѣтелямъ, такъ только въ Россіи промышломъ Всевышняго для ея благополучія правленію тѣхъ великія монархини врученной, но и во всемъ свѣтѣ прославляемымъ, давно я желаю за чувствуемое вами снѣмъ безприкладнымъ царствованіемъ благоденствіе приносилъ хотя слабѣй по мѣрѣ силъ моихъ знакъ рабскаго и причинаго сыну отечества усердія. И наконецъ обнимъ Россіи частіемъ ободренный, отвѣчалъ съ низкостелующимъ упанъ къ монархическому величеству императорскаго величества и вознесъ благодарное и безкорыстное жертвоприношеніе благодарному сердцу Вашего императорскаго величества, по истинѣмъ материнскимъ отъ всѣхъ вѣроподанныхъ признаваніюмъ.“

„Но прежде нежели вселоподаннѣе представлю мною предпріемное, должную донести о себѣ вашему императорскому величеству. Я купецъ московскій, а прежде имѣлъ я счастье быть въ числѣ земледѣльцевъ знатнѣйшій въ свѣтѣ помѣщикъ, Великія Екатерины, и какъ тогда, такъ и нынѣ вѣрный ея подданный и всегдѣшній наблюдатель истинны, ея устами предписуемой и прихвѣромъ преподаваемой. Провиднѣе Всевышняго Творца вселенныя благословило труды мои, какъ трудолюбиваго гражданина, достоинствѣмъ превозшедшимъ мое упованіе, и какъ я за сей даръ что себя обязаннымъ во первыхъ Творцу моему, а по немъ вашему императорскому величеству правосудію; то и заключаю, что не могу различнаго сыскать изъ оного употребленія, кромѣ учрежденія пріятнаго училища бѣднымъ и безпомощнымъ сиротамъ, и тѣмъ за Его благодать принести благодареніе, а по немъ посвятить сіе училище вашему императорскому величеству, въ которомъ признаваемое юношество вселенныя будетъ за дражайшее вашего величества здравіе приносить молитвы. Я большую часть имѣнія моего на сіе посвящаю, и могу совѣстію и честію всемогущейшую мою монархиню увѣрить, что сія безкорыстная жертва не разтворена

плачемъ и рыданіемъ людей мною притѣсненныхъ, но изъ нажитого трудами и неунынаніемъ бдѣніемъ издѣвнѣ, которое пріобрѣтаю, не учинился я виновнымъ ни малѣйшему ближнему обидѣ, ни казнѣ ущербомъ, а стеченіе только обстоятельствъ, сноснѣшествуя моимъ предпріятіямъ, возрастали оное.

„Къ вышеказаннымъ двумъ весьма сильнымъ причинамъ есть третія: вина общія отъ Всевышняго дарованія радости, рожденіемъ его императорскаго высочества благовѣрнаго государя и великаго князя Александра Павловича и умноженіемъ императорскаго вашего величества дому, всѣмъ россиянамъ любезнаго и драгоцѣннаго. И сіе проществіе, за которое Россія по Богѣ вашему императорскому величеству премудрому обязана промыслу, будетъ исчисленіемъ времени того пріятнаго училища, которое я соорудить предпріемлю, если оное Всевышняго вашего величества удостоится утвержденія.“

„Мѣсто къ тому мною избрано то самое, гдѣ судьба опредѣлила мнѣ родиться, а именно дворцовое село Любуни, состоящее въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго. На какомъ же основаніи, по моему слабому знанію, и изъ каковаго количествомъ денежнаго издѣвнѣнія я оному содержанію почитаю, и о всемъ до того прінадлежащемъ, при семъ вселоподаннѣе подношу начертаніе, жалба при томъ, что нынѣ не могу большаго числа посвятить на сію общую пользу.“

„Удостойте, всепресвѣтлѣйшая государыня, милостиваго принятія сіе рабское предпріятіе, а ежели оное удостоится и высочайшаго вашего императорскаго величества утвержденія, то считать сіе себѣ за величайшее счастье и милость“

Вашего императорскаго величества
вселоподаннѣйшій рабъ
московскій купецъ Петръ Ларингъ¹⁾.

Къ этому прошенію Ларингъ приложилъ двѣ бумаги, гдѣ печатавъ свой проектъ любучскаго училища и банка. По важности, характерности и историческому интересу ихъ, я считаю необходимымъ представить ихъ здѣсь во всемъ объемѣ.

1. Предупованіе. Прежде нежели предложатся статьи о предпріемномъ къ заведенію пріятнѣйшемъ училищѣ, потребно сказать о географическомъ и топографическомъ поло-

¹⁾ Текстъ мною выписанъ изъ архивскаго дѣла министерства народнаго просвѣщенія. У г. Волховскаго онъ былъ переданъ не вполнѣ вѣрно.

женін того мѣста и жителей онаго, въ которомъ сему училищу быть назначается. Дворовое село Любуни лежитъ въ округѣ Переяславля-Разанскаго при устьѣ рѣки Цны, въ Оку впадающей; отъ Москвы въ 130, отъ Переяславля-Разанскаго въ 60, отъ Владимирѣ въ 140, а отъ Коломны внизъ по Окѣ рѣкѣ въ 30 верстахъ; въ ономъ селѣ Любуцахъ по 3-й ревизіи 557 душъ; земли у нихъ число довольно, но онаѣ къ хлѣбопашеству никакими трудами и раченіемъ удобною сдѣлана быть не можетъ. Разнѣ рѣкъ Цны и Оки, ежегодно бываемое, понимаетъ не только весь поля, но во многихъ мѣстахъ и самыя селенія, почему издревле поселеніе никакого хлѣба не сѣютъ, а пользуются одними сенокосами. Но какъ сія часть земледѣльческаго наслѣдія не приноситъ имъ не только того, чѣмъ бы означивъ государственныя подати и оброкъ помѣщичій, но и на пропитаніе не доставляетъ; то они издревле же по необходимости приобикли къ разнымъ промысламъ и торговлѣ хлѣбомъ, рыбою, медомъ, воскомъ, сазомъ, всякимъ скотомъ и кожами, также они служатъ у купцовъ въ работникахъ и прикащикахъ, перевозятъ товары и казенную соль водными путями: словомъ отъ промысловъ приобитаютъ все свое достояніе. Но какъ сіе село, подобно прочимъ селеніямъ, не имѣетъ никакого наученію своихъ малолѣтнихъ, кромѣ свѣщенника и его причета, которые болѣею частью изъ крестьянства выходяще, едва только чтенію, грамотѣ російской учить удобна, а потому бѣдные отроки и остаются безъ всякаго къ ихъ будущимъ промысламъ знанія, и, служа купцу въ работникахъ и прикащикахъ, единственно за одно грамотѣ незнаніе, и бывъ чрезъ то къ счетамъ и разсчетамъ неудобны, не только самую низкую получаютъ плату, но часто отъ незнанія своего при раздѣлкахъ съ хозяевами претерпѣваютъ неудовольствіе, и за многолѣтнюю службу или ничего или очень мало получаютъ, да и собственныя своихъ малыхъ промысловъ съ основаніемъ, и вѣрностью вести не имѣютъ пособія, а еще меньше того и знанія, когда и какимъ образомъ тѣмъ пользоваться, и потому они много трудятся, но мало получаютъ.

Заводящій сіе училище имѣетъ сугубое намѣреніе: первое, согласовать ученіе малолѣтнихъ съ нѣвышнимъ отцовъ ихъ и въпредъ быть могущимъ, самихъ обучаемыхъ, состоянїемъ; второе, припрѣне бѣднаго юношества, не имѣющаго отъ родни помощи и совѣтъ безъ родныхъ, каковыхъ во всякомъ селеніи довольно бываетъ; и каковыя, какъ остающіеся въ бѣдности, отъ сношеній гибнуть, имѣсто того, чтобы быть полезными обществу, по ихъ состоянію и званію.

II. Статьѣ къ учрежденію и къ содержанію училища.

1. Учредитель онаго назначиваетъ на сіе богоугодное и къ прославленію Вашего Императорскаго Величества царствованія училище 50,000 рублей. Изъ сего числа 20,000 рублей на строеніе, а 30,000 рублей въ иждивеніе на всегдѣшнее промѣ, съ тѣмъ, чтобы

онѣ остались иждивеніемъ ему училищу неотъемлемымъ не только имъ самимъ, ни его наслѣдниками, ниже какимъ-бы то ни было присутственнымъ мѣстомъ, а токо въ пользу обучающихся и воспитывающихся, съ тѣмъ, что ежели отъ строенія что останется, то и оное приобщается къ капиталу, который останется вѣчнымъ же и единственно училищу принадлежащимъ, съ тѣмъ, что дабы сіе предпріятіе по намѣренію его и въ случаѣ прежде совершенія онаго ускорительной его смерти безъ помѣхи произведено быть могло: то онъ и вышеобъявленный капиталъ 50,000 рублей внесъ уже до натагнѣ знанія того училища въ банкъ сиротопитательнаго дома.

2. Но какъ для построенія потребно мѣсто, то Учредитель испрашиваетъ, дабы такое было продано, возлѣ каменнаго въ томъ селѣ, изъ его иждивенія и его единственными трудами построеннаго храма Возжяго, вверхъ по берегу Цны рѣки 80, а отъ оной въ поле 400 сажень; а какъ на ономъ мѣстѣ есть жилища поселенскихъ, то онъ не только что старыя и ветхія ихъ хижинны перенесетъ на другія по показанію дворовога правленія мѣста, но если хозяева лучше пожелаютъ, то построить имъ порядочныя по плану новыя дома съ крестьянскаго принадлежностію, не требуя за тѣ никакаго изъ казны платы: за землю онъ заплатитъ все то, что по разсужденію г. гофмейстера управляющаго главнымъ дворцовою канцеларіею положено будетъ, но чтобы дано было на сіе испрашиваемое мѣсто вѣчное укрѣпленіе на имя учреждаемаго училища.

3. Строеніе будетъ каменное, просторное и удобное не только къ помѣщенію учениковъ и учителей съ служками, тутъ же будетъ мѣсто и ко вмѣщенію и стороннихъ, кои обучаться пожелаютъ: о чемъ особливо ниже сего объявлено будетъ.

4. Сіе строеніе со всею къ оному на вышеозначенномъ мѣстѣ принадлежностію благоволено-бы было всевысочайшимъ указомъ освободить отъ постоя и ночлеговъ всякихъ проходящихъ и проезжающихъ воинскихъ и прочихъ командъ.

5. Какъ выше сего въ 1-й статьѣ сказано, что Учредитель опредѣляетъ сему прижительному училищу на первый случай 30,000 рублей въ вѣчное и неотъемлемое иждивеніе, то его намѣреніе къ содержанію училища отъ сего количества денегъ есть такое: установить при ономъ же училищѣ банкъ, и за даваемая въ заемъ деньги брать указанный остатъ по 6 со ста, что и составлять ежегодно 1,800 рублей.

6. Главное смотреніе надъ училищемъ и банкомъ онаго предоставляеть Учредитель по смерти своей, а по его смерти достоянію изъ своихъ наслѣдниковъ; а ежели бы оныхъ не было, или онъ ихъ не признаетъ за способныхъ, то тому кому онъ сие дѣло препоручитъ по завѣщанію своему за благо разсудитъ. Но какъ сіе намѣреніе, видъ блага ближнему имѣющей, сопряжено будетъ со многими попеченіями, для общества же служебна знаменующими, а особливо при самомъ заведеніи и въ нѣкоторыхъ

и въ память великия Екатерины, матери отечества, воздвигнуть монументъ, съ надписаніемъ, что сіе благотворное зданіе учреждено и построено во дни преславнаго вашего императорскаго величества царствования и удостоено священнаго вашей монаршіи особы покровительства».

Мы видимъ изъ этого важнаго національнаго нашего документа, что Ларинъ, хотя и купецъ, занятъ былъ здѣсь мыслію, совершенно чуждою и недоступною въ то время не только русскимъ купцамъ, но и болѣе высокому, интеллигентному слою нашего общества. Кто стоялъ повыше другихъ, но положенію и средствамъ своимъ, хлопоталъ только о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ что-то въ родѣ лоска французской образованности, понятой очень худо и лишь самымъ вышнимъ образомъ. Только сама императрица, и, быть можетъ, очень немногіе изъ лучшихъ русскихъ людей того времени, задумались о необходимости образованія для общей народной массы, и поминили о практическомъ осуществленіи его для многомилліоннаго русскаго населенія. Въ „Учрежденіи губерній“ 1775 года, Екатерина II предписала приказамъ общественнаго призрѣнія „стараться устраивать народныя школы по всѣмъ городамъ, а потомъ и въ тѣхъ селеніяхъ, кои подсудны Верхней Расправѣ, для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ“, съ тѣмъ, „чтобы неизменно могли учиться безъ платы а имуніе за умѣренную плату“. Но все это было только на бумагѣ, и должно было еще долго оставаться въ такомъ положеніи. И вдругъ, черезъ какихъ нибудь 2 года послѣ опубликованія великаго законоположенія Екатерины II, является какой-то купецъ, вышедшій еще недавно изъ мужиковъ, положивъ проведеній въ кабакѣ кой службу, является—и первый изъ всѣхъ русскихъ, подаетъ императрицѣ готовый во всѣхъ частяхъ, совершенно выработанный проектъ, которымъ желаетъ немедленно же, въ одномъ изъ утолковъ Россіи, положить почить одному изъ самыхъ великихъ и благотѣльныхъ намѣреній русской императрицы, мислящей по-европейски—намѣренію покрыть наше отечество сѣтью народныхъ школъ.

Никать не должно думать, что предположеніе Ларина было единственно внушено мыслію Екатерины II и однимъ изъ паграфовъ „Учрежденія губерній“: если бы это было такъ, то при своемъ благовѣйномъ обожаніи императрицы, столько разъ высказанномъ, и даже (по тогдашнимъ привычкамъ) въ формѣ

нѣсколько раболѣбной, Ларинъ непременно прямо такъ и сказать бы это—но ни малѣйшаго намека на это мы не встречаемъ ни въ его прошеніи, ни въ „проектѣ“ училища. Далѣе въ своемъ проектѣ Ларинъ говоритъ о намѣреніи завести народное училище не какъ о какой-то мысли новой и при томъ касающейся цѣлой Россіи но мысли уже давнишней, постоянно занимающей его и вытекающей прямо непосредственно изъ его взгляда на то, что съ молодости совершалось у него передъ глазами на мѣстѣ родины его, въ селѣ Любучахъ. Наконецъ и самыя предметы преподаванія, назначаемые имъ для любучскаго училища, гораздо обширнѣе и много стороннѣе тѣхъ, что перечислены въ ст. 384-й „Учрежденія о губерніяхъ“ императрицы Екатерины II. Здѣсь говорится: „Ученые въ народныхъ школахъ имѣеть на первый случай состоятъ въ наученіи юношества грамотѣ рисовать, писать, ариметикѣ, дѣтей же грекороссійскаго исповѣданія учить катихизису; для познанія основаній православнои вѣры, толкованію десяти заповѣдей, для вкорененія нравочученія всеобщаго—и только; Ларинъ-же пропускаетъ, правда, рисованіе (значеніе котораго въ народномъ образованіи онъ, быть можетъ, не оцѣнитъ), но за то въ его курсъ преподаванія для обучанія должны или входить слѣдующіе предметы, кромѣ учении грамотѣ и правиламъ русскаго языка: законъ Божій, ариметика, и часть геометріи, познаніе русской торговли, бухгалтерія: сверхъ того, французскій и нѣмецкій языкъ для желающихъ. Все это имѣетъ показывать самостоятельность проекта Ларина и полную его независимость отъ закона Екатерины II.

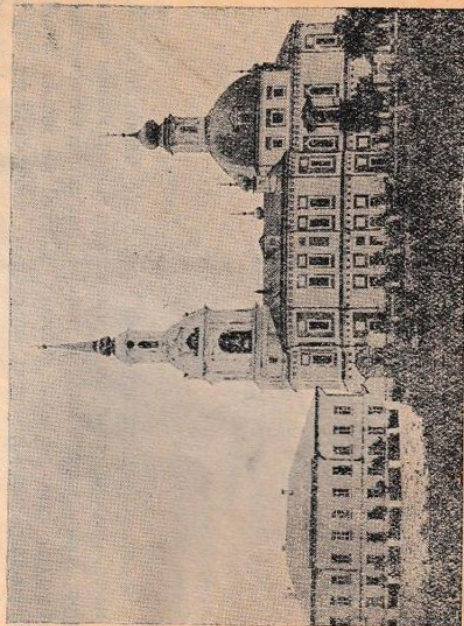
Во всякомъ случаѣ императрицѣ должно было конечно, въ высшей степени быть приятно намѣреніе одного изъ ея подданныхъ, такъ близко совпадавшее съ ея собственною мыслію, и она немедленно дала свое соизволеніе на все просимое Ларинымъ, исключая того, что касалось собственности ея личности. Въ именномъ указѣ на имя гофмейстера Елагина, отъ 12 марта 1778 г., сказано: „Похвальное намѣреніе московскаго купца Петра Ларина завести на иждивеніи своемъ призрительное училище въѣзда Переславля-Рязанскаго въ дворянскомъ селѣ Любучи, яко мѣстѣ его рожденія, являетъ въ немъ гражданина, о пользѣ общей усердно попечительнаго. Мы, пріемля за благо начертаніе сему училищу, намъ отъ него поданное, не токмо соизволяемъ, чтобы оно имѣло дѣйствіе, но и всемілостивѣе тому по-собствуя, повелѣваемъ вамъ, первое, землю, имъ просимую, от-

дать для построения училища, распорядивъ, чтобы сходно содержанию прошения его, крестьяне, на поминутую земель живущіе, безъ убытка ихъ и лишены нужныхъ выгодъ переселены были. Второе, оставя главное смотрѣніе надъ всѣмъ снѣмъ заведеніемъ нынѣшнему основателю, увольняемъ его отъ гражданскихъ службъ. Третье, что до выражаемаго въ томъ же начертаніи званія мемулета, объявите ему, что вмѣсто того предполагаемое на оный окладѣніе, къ лучшей нашей благоутоядности, можетъ онъ присовокупить въ дополненіе на то же самое училище. Исполнивъ по сему отъ васъ зависящее, препроводите прошеніе его къ нашему генералу-поручику Кречетникову, на котораго учрежденіе намѣстничества рязанскаго отъ насъ возложено, дабы, по установленіи того намѣстничества и со стороны правленія тамошняго всякому сему доброму дѣлу пособіе чинено было, согласно нашимъ учрежденіямъ и законамъ²⁾.

Гофмейстеръ Елагинъ послѣдиль передать Ларину содержаніе этого высочайшаго повелѣнія въ выраженіяхъ, менѣе официальныхъ, чѣмъ дружескихъ, такъ что можно, по его писемъ, предполагать, что уже до представленія проекта императрицѣ, онъ зналъ о немъ—и можетъ быть даже участвовалъ въ его редакціи. Елагинъ написалъ Ларину 4 апрѣля: «На всенеподданнѣйшее прошеніе ваше о заведеніи въ дворцовомъ селѣ Любучахъ призрительнаго училища, съ воссозданнаго сего императорскаго величества на имя мое даннаго указа, я, для радостнаго вамъ свидѣнія при семъ засидѣтельствованную мною копію препровождаю, прилагаю при томъ коню жѣ съ подаваннаго отъ васъ ея императорскому величеству письма и начертанія того училища и желая по благонамѣренію вашему счастливаго успѣха въ семъ благоудномъ дѣлѣ». Вслѣдъ за тѣмъ главная дворцовая канцелярія, данною отъ 16 апрѣля того же 1778 года, отвѣла Ларину, въ селѣ Любучахъ, просимое имъ мѣсто подъ училище, всего вверхъ по Цнѣ 80, а отъ рѣки въ поле 400 сажень.

²⁾ Прошеніе Ларина съ приложеніями и именной указъ Екатерины II были напечатаны въ биогрaфiи Ларина, составленной г. Волховскихъ, но съ пропусками и съ многими очень существенными новиростями. Я даю здѣсь текстъ вполнѣ вѣрный, на основаніи текста, напечатаннаго въ Полн. Собр. Зак. т. XX, стр. 600—604, но исправленнаго мною, относительно нѣкоторыхъ маловажныхъ неточностей, по хѣду о Ларинѣ въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Но Ларину не суждено было увидать открытіе своего училища. Повидимому, онъ намѣревался посвятить ему отнынѣ всѣ свои заботы, и какъ кажется, переселиться даже для того въ Любучи: мы можемъ заключать объ этомъ послѣднемъ намѣреніи изъ того, что онъ просилъ императрицу назначить его смотрителемъ училища и банка и освободить его (и будущихъ не сопряжено будетъ со многими попеченіями, для общества же служеніе знаменующими, а особливо при самомъ заведеніи и въ нѣкоторыхъ потомъ годахъ. Ничто изъ всѣхъ его предположеній не исполнилось при его жизни. Послѣ утвержденія его проекта императрицею, онъ жилъ въ Москвѣ, куда пріѣхалъ, конечно, лишь на которое время, потому что оставилъ въ Архангельскѣ свою жену Пелагею (отечество ея и фамилія до замужества не извѣстны) и малолѣтнюю дочь Наталью. Изъ Москвы ему уже не привелось выѣхать: онъ скончался тамъ, 22 августа 1778 года, повидимому, совершенно внезапно, потому что не успѣлъ даже составить духовнаго завѣщанія, о которомъ говорятъ въ прошеніи императрицѣ. Вскорѣ потомъ тѣло его перевезено въ Любучи, гдѣ и похоронено въ построенной имъ церкви.

Церковь и домъ Ларинскаго училища въ с. Любучи Рязанской губерніи.

Въ одномъ изъ архивскихъ документовъ министерства народного просвѣщенія находится свидѣнiе, что Ларинъ похороненъ въ любучской церкви, у праваго столба, а нынѣшнiй смотритель любучскаго ларинскаго училища, Н. И. Барсуковъ, сообщаетъ мнѣ еще слѣдующія подробности: "Тѣло Ларина было доставлено, по сказанiю нѣкоторыхъ жителей, изъ Москвы въ Любучи, въ весеннее время, водой, и прахъ его поконится (въ гробъ, помѣщенномъ рядомъ съ двумя другими гробами (върѣзано его родителями) въ правомъ придѣлѣ построенной имъ церкви, подъ настланнѣмъ чугунинымъ церковнымъ поломъ, въ общемъ каменномъ склепѣ. Года три назадъ, при поправкѣ этого чугуннаго пола, покойный священникъ села Любичъ, В. Некрасовъ, изъ любопытства велѣлъ разобрать нѣсколько кирпичей въ сводѣ и такимъ образомъ при помощи свѣчи, рассмотреть въ склепѣ три дубовые, совершенно непопрѣжденные гроба. Сверхъ чугуннаго пола, надъ склепомъ, въ церкви поставленъ литой изъ чугуна памятникъ, въ формѣ продолговатого стола, на верхней доскѣ вылита слѣдующая надпись: "Здѣсь поконится прахъ Петра Даниловича Ларина, с.-петербургскаго (?) 1-й гильдии кушча, уроженца села Любучъ. Создателю храма сего, основателю ларинскаго училища и банна, благотворителю сира и убога, другу человѣчества—воздвигается на память сіе усердiемъ его почитателями. 1822 года іюня 29 дня. Благiй рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего". Въ 1875 году, при возобновленіи нижней церкви и устройствѣ тамъ новыхъ богатыхъ иконостасовъ, памятникъ этотъ весь иззолоченъ и покрасть стекляннѣмъ футляромъ на средства добродѣтелихъ приношеній".

Оскръ о Любичахъ кашанъ
вѣнскі? Вурекі? цркви
Вн. Стасовъ
1937.

II.

Народное училище, предложенное Ларинамъ, не только не было открыто при его жизни, но не получило своего осуществленія даже въ продолженіе цѣлыхъ 40 лѣтъ послѣ его смерти. Причиной тому были очень разнообразныя обстоятельства.

Первымъ была пропаша самыхъ денегъ, назначенныхъ Ларинамъ на любучское училище. Какъ я сказалъ выше, Ларинъ умеръ въ Москвѣ, куда онъ прѣхалъ, повидимому, на короткое время. При немъ былъ тогда несовершеннолѣтній племянникъ его, Михаилъ Ларинъ (быть можетъ, по купеческому обыкновенію, въ „малышкахъ“) и этотъ юноша похитилъ, въ числѣ другихъ цѣнныхъ бумажъ дяди, и билеты на 50,000 р., выданные Ларину московскую сохранную казною, передалъ ихъ на сохраненіе кушчу Барукову (быть можетъ и научившему его прозвѣсти крѣжу) и скорѣ загнѣмъ умеръ въ 1780 году. Баруковъ же, сдѣлавъ на подлинныхъ билетахъ фальшивую надпись о передачѣ Петромъ Даниловичемъ Ларинамъ всей суммѣ племяннику его Михаилу Ларину, и оставивъ загнѣмъ фальшивый вексель на свое имя отъ Михаила Ларина въ такую же приблизительную сумму, на основаніи тѣхъ документовъ и при помощи нѣсколькихъ сообщниковъ, получилъ эти деньги изъ сохранной казны въ 1785 году. Долгое время эта кража оставалась неразвѣданною. Но вдова Ларина, хотя и наследовала послѣ мужа значительные капиталы, но, повидимому, подозрѣвая покражу, которой не умѣла или не могла доказать. Когда же, спустя 8 лѣтъ, послѣ смерти Петра Ларина, единственная дочь его Наталья вышла въ 1786 году за мужа за коллежскаго ассессора Василия Васильевича Цыгорова, мать ея, Пелагея Ларина, поручила своему зятю, какъ чиновнику дѣлау и свѣдущему человѣку, заняться розысканіемъ похищеннаго. Цыгоровъ оказался, дѣйствительно, человѣкомъ умѣнымъ и внолнѣ пригоднымъ для порученнаго ему дѣла. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ,

проведенных въ хитрыхъ и ловкихъ поискахъ (для чего онъ даже оставилъ службу), онъ простѣдилъ всё подробности покражи, повелъ дѣло судебнымъ порядкомъ, и результатомъ всего этого было то, что виновные были преданы суду, а по высочайшему повелѣнію 6 декабря 1803 г. предписано похитившія деньги съ процентами взыскать съ оставшихся въ живыхъ виновниковъ; въ пользу же воспитательнаго дома взыскать съ членовъ окупскаго совѣта всю сумму (съ причитающимися сверхъ того процентами), каковъ по неосмотрительности этихъ членовъ незаконно была выдана изъ московской сохранный казны постороннимъ лицамъ³⁾.

Между тѣмъ, пока это высочайшее повелѣніе приводилось въ исполненіе, вдова Ларина просила, чтобъ главное смотрѣніе за имѣніемъ устроилось любучскими училищемъ было поручено зятю ея, Цыгорову. Но сенатъ, которому высочайше поручено было разсмотрѣть: «какимъ образомъ должно быть исполнено учрежденіе того училища», нашелъ, что въ настоящее время намѣреніе Ларина не можетъ осуществиться, такъ какъ значительная часть крестьянъ дворцоваго села Любучъ по высочайшему повелѣнію 1797 года отпала во владѣніе генералъ-лейтенанта Измайлова (698 душъ), а въ дворцовомъ владѣніи осталось всего только 40 душъ; поэтому сенатъ полагалъ: вложить Ларинимъ въ опекунскаго совѣтъ 50,000 рублей, и съ процентами на нихъ паросими, по мѣрѣ вступленія ихъ, отсылать на челоукозобивныя и благотворительныя заведенія приказа общественаго призрѣнія рязанской губерніи, или «предоставить это на разсмотрѣніе и распределеніе министра народнаго просвѣщенія для употребленія ихъ на тѣ же предметы, гдѣ благопотребно явится». Это послѣднее предложеніе высочайше утверждено 6-го декабря 1803, и съ тѣхъ поръ всё деньги, высланныя въ счетъ ларинскаго капитала, стали поступать въ министерство народнаго просвѣщенія, но вопросъ о ларинскомъ училищѣ былъ на долгое время оставленъ въ сторонѣ и даже совершенно позабытъ.

Въ началѣ 1808 года любучскіе крестьяне генерала Измайлова откупились отъ своего помѣщика, за 140,000 рублей, при этомъ, по высочайшему повелѣнію, и нѣкоторое пособіе отъ казны. Узнавъ, что любучане стали вольными хлѣбопашами,

³⁾ Всего взыскивалось 457,238 р. 19 к.

и что, значитъ, намѣреніе Ларина можетъ быть теперь приведено въ исполненіе, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Заводовскій, одинъ изъ лучшихъ и примѣчательнѣйшихъ государственнѣхъ людей той эпохи, тотчасъ же поднявъ на ноги вопросъ о Ларинскомъ училищѣ: въ февралѣ 1809 г. онъ поручилъ московскому попечителю, графу Разумовскому, составить смѣту на постройку и открытіе училища, и отправить въ село Любучи чиновника, который бы на мѣстѣ сообразилъ, что и какъ можетъ быть исполнено, и представилъ бы свое заключеніе о расположеніи жителей къ этому дѣлу.

Вслѣдствіе того, въ Любучи откомандированъ былъ директоръ училищъ рязанской губерніи Дружининъ, который донесъ, что по его мнѣнію въ этомъ селѣ можно устроить училище въ видѣ приходскаго; на построеніе каменнаго училищнаго дома и на покупку для того мѣста (такъ какъ отведенное, при Екатеринѣ II, дворцовымъ правленіемъ, давно уже было застроено крестьянами) нужно до 25,000 рублей, на единовременное образованіе 610, а не ежегодное содержаніе—2,480 рублей. Главнѣе правленіе училищъ одобрило это предложеніе, но, не смотря на то, вопросъ этотъ еще разъ отошелъ на задній планъ. Очень вѣроятно, что осуществленію намѣреній Ларина всего болѣе мѣшалъ тогдашній военная обстоятельства и смерть графа Заводовскаго, послѣдовавшая въ 1812 году. Притомъ, далеко не всё похитенныя деньги были взысканы, съ причитающимися на нихъ процентами.

Дѣло это снова возобновилъ, въ 1816 году, зять Ларина, Цыгоровъ. Мы видѣли, что еще въ 1803 году не состоялось предложеніе его тещи о томъ, чтобъ онъ былъ утвержденъ смотрителемъ будущаго ларинскаго училища, и сколько онъ ни просилъ вносилъ о томъ же, онъ всегда получалъ отказъ. Тогда онъ сталъ хлопотать о другомъ. Онъ былъ человекъ богатый: это доказывается тѣмъ, что его жена, Наталья Цыгорова, единственная дочь Петра Ларина, въ 1797 году имѣла возможность просить должникамъ своимъ 104,000 рублей, числившихся на нихъ⁴⁾, притомъ же, по высочайшему повелѣнію императора Павла I, вдовы и дочери Ларина выплачена опекунскимъ совѣтомъ сумма, причитавшаяся имъ по билету въ 80,000 р., похищенному у Ларина, послѣ его смерти, вмѣстѣ

⁴⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 25 сентября 1797 г. № 77.

Но онъ не унывалъ и ни коимъ образомъ не терять надежды поставить на своемъ. Въ августѣ 1816 года умеръ графъ Разумовскій, и Цыгоровъ не далъ какъ черезъ 3 мѣсяца послѣ того обратиться, 9 ноября 1816 г., къ новому министру, князю А. Н. Голицыну, съ просьбой гдѣ снова назначить на своихъ мѣстахъ правыхъ, и говорить, что покойный министръ постоянно пренебрегалъ ему въ достиженіи ихъ, «вѣроятно по давнему его къ нему, Цыгорову, нерасположенію и мнѣнію, и сонзовилъ отклонить его послѣднее ходатайство съ неприличнымъ и обидѣйшимъ претолкованіемъ». Въ числѣ многочисленныхъ, представленныхъ при семь документовъ (впрочемъ по большей части не идущихъ къ дѣлу), находилось личное письмо головы и пѣсколькихъ крестьянъ села Любучь, отъ 26 октября 1816 года, гдѣ они съ большою признательностью изъясняли свое согласіе имѣть у себя училище, и указывали удобное «для сего благого для нихъ дѣла» мѣсто въ своемъ селѣ; въ концѣ же прибавили: «А мы всѣмъ нашимъ обществомъ останемся навсегда вѣчное блаженство Петру Даниловичу (Ларину), равно и Натальѣ Петровнѣ (женѣ Цыгорова, урожденной Лариной), а вамъ государю моему тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія». Но и эта новая просьба не пошла Цыгорову въ прокъ: князь Голицынъ отвѣчалъ ему, что за сего высочайше утвержденнаго доклада сената 6 декабря 1803 г. министерство не можетъ входить въ разсмотрѣніе его прошенія объ отдѣленіи процентовъ изъ капитала въ пользу наслѣдниковъ Ларина.

Затѣмъ, въ началѣ 1817 года внукъ Ларина, штабсъ-капитанъ Петръ Цыгоровъ, и три его сестры: Елизавета, Анна и Наталья, вѣроятно по наученію отца своего, попробовали еще разъ счастья, и принесли на высочайшее имя прошеніе, но и оно потерпѣло отказъ.

Послѣ этого, къ началу 1817 года, уже не существовали болѣе всѣхъ причины, которыя до тѣхъ поръ препятствовали осуществленію мысли Ларина: похитители его суммы, давно розысканные, уплатили наконецъ все съ нихъ причитавшееся, вмѣстѣ съ почетными членами опекунскаго совѣта³⁾; любучскіе крестьяне были опять свободны, и сверхъ того сами же-

³⁾ За нѣкоторыхъ изъ нихъ, наприм., за дѣвств. етил. сов. Бедкаго, уплачена извѣстная часть изъ суммъ кабинета.

съ двумя билетами на сумму въ 50,000 рублей, назначенную для любучскаго училища, а на эти 80,000, въ теченіе долгихъ лѣтъ, прошедшихъ со времени смерти Ларина, выросли огромные проценты. И такъ, Цыгоровъ былъ очень богатъ: какъ на слѣдствіи послѣдней жены своей (умершей въ 1801 году), и вмѣстѣ ополку дѣтей, оставшихся послѣ нея. Но, повидимому, ему было мало своего состоянія, и онъ неоднократно обращался къ министрамъ народнаго просвѣщенія, сначала графу Завадскому, а потомъ графу Разумовскому съ просьбою выдавать наслѣдникамъ Ларинамъ отъ министерства народнаго просвѣщенія проценты со всей той суммы; которая окажется свободною послѣ устройства училища. Тогда онъ придумалъ новый, очень хитрый, къ удивленію. Тогда онъ обратился, 6 марта 1816 года, къ его мнѣнію, проектъ: онъ обратилъ до высочайшаго свѣдѣнія, графу Аракчееву съ просьбою, довести до высочайшаго свѣдѣнія, что онъ желаетъ устроить, на свой счетъ въ С.-Петербургѣ военное училище, для воспитанія мальчиковъ, оставшихся сиротами послѣ войны, павшихъ или изувѣченныхъ въ войнѣ 1812 года. Для этого училища онъ отдавалъ своей собственнѣйшей домъ въ Петербургѣ и капиталъ въ 100,000 рублей; въ вознагражденіе же снова просилъ отдать ему, сыну его и дочерямъ, проценты съ ларинскаго капитала на томъ основаніи, будто Ларинъ назначалъ на любучское училище только сумму въ 50,000 рублей, а проценты съ нея нафренгъ быть получать самъ. Графъ Аракчеевъ, раньше доклада прошенія Цыгорова государю императору, пожелалъ узнать мнѣніе министра народнаго просвѣщенія, и графъ Разумовскій 26 іюня 1816 года подробно доложилъ графу Аракчееву, на основаніи словъ самого Ларина, что его проектъ, что и сумма и проценты съ нея представляются Ларинамъ въ пользу любучскаго училища, а поэтому Цыгоровъ не имѣетъ никакого права на то, чего требуетъ. Въ предложеніи Цыгорова—прибавлялъ онъ затѣмъ—виднo пожеланіе не объ инвалидахъ, а о собственной корысти. Онъ уступаетъ въ пользу инвалидовъ часть суммъ ему вовсе не принадлежавшей (около 200,000 руб.), а остальные, болѣе получившія, ставятся обратны въ свою пользу». Въ заключеніи же графъ Разумовскій говорилъ, что любучское училище до сихъ поръ не заведено единственно по той причинѣ, что еще не была сполна вся сумма, похищенная послѣ Ларина. Такимъ образомъ Цыгоровъ еще разъ потерпѣлъ неудачу.

лади училища; наконецъ, окончательно и навсегда устранены были странная домогательства Цыгорова на значительную часть ларинской суммы.

Но все-таки за Цыгоровымъ была та заслуга, что въ продолженіе почти 20 лѣтъ онъ не давалъ этому дѣлу заснуть, сдѣлать въ началѣ всѣ нужныя розысканія, потомъ тревожить и шевелить множество должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, и хотя никогда ничего не достигъ лично для самого себя и своего семейства, но сдѣлалъ то, что мысль Ларина не затерялась и не погибла. Кажется не подлежитъ сомнѣнію, что не буди Цыгорова, его ревности къ дѣлу, его розысковъ по горячимъ слѣдамъ, а впоследствии поминутныхъ его настояній—деньги Ларина безвозвратно бы пропали еще въ самомъ началѣ, и, значитъ, ровно никогда бы ничего не вышло изъ всего, предложеннаго Ларинымъ.

Именно подъ вліяніемъ настояній Цыгорова, князь Голицинъ, хотя и отказалъ ему въ его просьбѣ въ самомъ началѣ своего министерства, но тогда-же поручилъ главному управленію училища разсмотрѣть вопросъ, какое сдѣлать употребленіе изъ ларинской суммы? Главное управленіе нашло, что учрежденіе въ селѣ Любучи училища необходимо нужно потому, что на это именно завѣщана сумма, притомъ же крестьяне давно уже не состоятъ болѣе въ крѣпостной зависимости, а комитетъ министровъ рѣшилъ устроить то училище. Поэтому главное правленіе и положило: предоставить московскому попечителю отпривать въ Любучи нарочнаго чиновника для изслѣдованія на мѣстѣ, какого рода училище должно тамъ быть устроено: въ видѣ-ли учебнаго, или какого-другого? найдутся ли сироты, или-другія дѣти тамошнихъ недостаточныхъ поселенъ для поступленія въ число ихъ училища? и какія мѣры надо принять къ содержанію ихъ училища? можно-ли устроить при училищѣ нѣкотораго рода банкъ? Сверхъ того, по недостаточности средствъ министерства народнаго просвѣщенія для открывающихся вновь училищъ, особенно въ казанской губерніи, попросить высочайшее повелѣніе на употребленіе на этотъ предметъ 50,000 рублей изъ ларинской суммы, а остальную сумму Ларина расходовать всегда впредь не иначе, какъ съ особаго высочайшаго разрѣшенія. Это послѣднее предложеніе высочайше утверждено 3 марта 1817 г.

Между тѣмъ командированный въ Любучи отъ московскаго попечителя чиновникъ, тотъ самый Дружининъ, который выпол-

нилъ подобное же порученіе за 7 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1816 году, донесъ, что „жители Любучи находятся въ изрядномъ состояніи, а есть и богатые; изъ нихъ знатная часть служитъ у вѣнскихъ откупщиковъ, повѣренниці, цѣловальниками и подносчиками, другіе торгуютъ хлѣбомъ, скотомъ и другими товарами, и болѣею частью живутъ по городамъ, отъ чего прохолодитъ, что есть между ними люди весьма образованные, не успающіе въ этомъ отношеніи кушамъ лучшихъ горожанъ. Поэтому и дѣтей своихъ воспитываютъ уже не такъ какъ крестьяне, а какъ купцы, приготовляя ихъ съ малолѣтства къ собственному своему промыслу. По словамъ ихъ, нѣтъ дома, гдѣ не было-бы грамотнаго человека. Въ 1810 году не видно было въ нихъ большаго расположенія къ ученію, нынѣ совсѣмъ тому противное: всѣ желаютъ, чтобы у нихъ устроено было училище и жертвуютъ для него мѣстомъ, обѣщая съ своей стороны и другія пособія. Что же касается до устройства училища и банка, то Дружининъ со своей стороны находилъ это исполнѣ нужнымъ и возможнымъ, и излагалъ свои по этому предположенія. Сообразность этимъ мнѣніемъ, съ которымъ былъ согласенъ и московскій попечитель, по всеподданнѣйшему докладу главнаго правленія училищъ, 14 іюня 1817 года высочайше утверждено положеніе объ основаніи любучскаго училища и банка при немъ, и при этомъ повелѣно отпустить изъ ларинской суммы (которая къ тому времени возрасла до цифры болѣе 700,000 рублей), по 40,000 рублей на устройство училища и банка, а 120,000 руб. внести въ сохранную казну воспитательнаго дома, для содержанія, изъ процентовъ училища.

Узнавъ о такомъ высочайшемъ повелѣніи, Цыгоровъ сдѣлать еще одну отчаянную попытку, уже не касавшуюся денегъ, а только возможности быть причастнымъ къ дѣлу ларинскаго любучскаго училища (быть можетъ, онъ все еще надѣлся понасть въ смотрители будущаго училища). Онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, 14 августа 1817 года, съ письмомъ, гдѣ преподаетъ князю А. Н. Голицину разные совѣты на счетъ устройства училища, учениковъ и классовъ между прочимъ представлялъ планъ училищнаго дома, сочиненный по его словамъ, самимъ Ларинымъ въ 1778 г⁹); обѣщалъ при этомъ

⁹ „На первый случай мой тестъ, соображаясь съ именнымъ высочайшимъ указомъ 12 марта 1778 года, пригласилъ тогда же въ село Любучи разнаснаго наместника, генералъ-поручика Кречетникова, и съ общаго съ нимъ мнѣнія сдѣлать училищному дому планъ въ два этажа на потребать“.

передать въ училище подлинный портретъ Ларина, всю свою библиотеку, собранную для сына Петра, 800 томовъ (изъ числа которыхъ, по его словамъ, одно юридическое отдѣленіе, заключавшее очень рѣдкое собраніе „всѣмъ гражданскимъ существующимъ въ Россіи законамъ“, стоитъ болѣе 25,000 руб ⁷⁾), наконецъ, передавать и всѣ документы, касающіеся Ларина; про себя же разсказывалъ, что собирается написать подробную и полную біографію своего тестя, съ тѣмъ чтобы напечатать ее на свой счетъ и отдать значительное количество экземпляровъ въ любучское училище, для продажи; посвятить же эту книгу онъ желалъ князю Голицыну. Но ни общія, ни совѣты ничуть не помогли Цигрову: смотрителемъ ларинскаго училища онъ все-таки не былъ сдѣланъ, а домъ училищный построенъ по проекту архитектора Соболевскаго, состоявшаго при московскомъ попечителѣ. При этомъ самъ министръ предписалъ нѣкоторые измѣненія въ планѣ и фасадъ для „большей симметріи“, по его словамъ: такъ, напримеръ, князь Голицынъ требовалъ, чтобы входная дверь была непременно по серединѣ фасада, а не сбоку, какъ назначалъ архитекторъ; чтобы количество оконъ направо и налѣво отъ входной двери было непременно равное, и т. д.

Въ іюнѣ 1818 года совершена закладка училищнаго дома, при чемъ Дружининъ долженъ былъ донести московскому попечителю, что нѣкоторые изъ крестьянъ села Любучей оказали буйство при закладѣ и „по невѣжеству“ старались помѣшать ей, но благочестивѣе большинство вило надъ ними верхъ, порицая докъ быть возстановленъ, и даже устроена была подписка на сооруженіе памятника Ларину, передъ училищнымъ домомъ. Постройка училища кончена дѣломъ 1819 года, и оно открыто 6-го августа того же года. Учениковъ поступило 19, вольно-приходящихъ было до десяти. Домъ стоилъ 45,793 рубля. Что же касается до банка, то онъ по объясненію Дружинина не могъ быть открытъ въ это же время „по неимѣнію желающихъ пользоваться ссудами“. Открытъ онъ уже гораздо позже, 5-го марта 1820 г., новымъ директоромъ рязанскихъ училищъ, Татариновымъ, который при самомъ торжествѣ открытія сдалъ 40,000 рублей любучскому головъ и тремъ старшинамъ. Жители же

⁷⁾ Это намѣреніе никогда не было осуществлено, и ни одной книги изъ собранія Цигорова, а равно никакого портрета Ларина отъ Цигорова не поступило въ Любучское училище въ даръ. Напротивъ, не смотря на всѣ просьбы, онъ въ послѣдствіи долго отказывался дать училищу даже копию съ портрета Ларина на собственный счетъ училища. Объ этомъ будетъ еще говорено ниже.

села, въ знакъ своего удовольствія и признательности, пожертвовали, при этомъ случаѣ, 200 р. на рязанскую губернскую гимназію.

Послѣ того, объ употребленіе ларинскаго капитала на любучское училище вопросъ возникъ всего только одинъ разъ. Въ 1822 году оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго литовскаго корпуса, полковникъ Малиновскій, женатый на одной изъ внучекъ Ларина, подавалъ въ комиссію прошеніе, отъ имени своей жены и двухъ ея сестеръ, на высочайшее имя, гдѣ докладывать прана наслѣдниковъ Ларина на проценты съ капитала, завѣщаннаго дѣдомъ его жены на любучское училище. По высочайшему повелѣнію, эта просьба была передана въ комитетъ министровъ, который 3 февраля 1823 года положилъ: наслѣдникамъ Ларина отказать въ ихъ неправоукомъ домогательствѣ. „Послѣ же—приказано въ заключеніи—изъ капитала, пожертвованнаго Ларинимъ, высочайше повелѣно было употребить до 50,000 руб. на другія училища, а объ остальной суммѣ докладывать всякій разъ его императорскому величеству, то комитетъ считаетъ, что вся поминутая сумма, на лицо нынѣ находящаяся, сообразно съ волею завѣщателя должна принадлежать тому заведенію (любучскому училищу), и не можетъ быть обращена на другіе предметы министерства просвѣщенія; въ противномъ же случаѣ, когда намѣреніе завѣщателя въ точности исполнено не будетъ, то никто пожертвованій дѣлать не станетъ. Но министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, не согласился съ общимъ заключеніемъ комитета, и подавъ особое мнѣніе, гдѣ писалъ, что „воля купца Ларина дѣйствительно уже исполнена въ точности, учрежденіемъ любучскаго училища и банка. Училище учреждено соответственное про странству и населенію села любучъ, для пользы жителей, для которыхъ Ларинъ и предполагалъ только оное, и даже самъ ограничилъ двадцатью число воспитанниковъ, на счетъ оного содержаться имѣющихъ. Стеневъ сего училища опредѣлена такая, какаа для состоянія сего рода людей именно прилична, ибо на обширѣйшее обученіе они и не стали бы отдавать своихъ дѣтей. Если же распространить сіе училище для принятія въ оное юношества изъ постороннихъ мѣстъ, то кромѣ того, что сіе не было цѣлю завѣщателя, оказалось бы безъ сомнѣнія и напраснымъ, ибо вѣрно никто, или по крайней мѣрѣ мало кто изъ постороннихъ согласился бы отдавать своихъ дѣтей

продолжало существовать только на тѣ средства, какія удѣлены ему были постановленіемъ 3 марта 1817 года.

Такимъ образомъ, великолѣпное намѣреніе Ларина вполне осуществилось лишь спустя 42 года послѣ того, какъ онъ выразилъ его императрицѣ Екатерицѣ II и внести нужныя на то деньги въ государственное учрежденіе. Дѣло не пришло къ концу раньше, не смотря на нѣсколько постановленій даже высшихъ государственныхъ установленій: сената и комитета министровъ. Въ настоящую минуту, училище существуетъ болѣе полутора вѣка. Принесло ли оно дѣйствительную пользу, и какую именно, а также, въ какомъ оно теперь находится положеніи, мы можемъ судить изъ слѣдующихъ словъ одного письма Н. И. Барсукова ко мнѣ: „Учащихся въ этомъ училищѣ теперь (1876) 76, изъ нихъ 20 дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и преимущественно сиротъ села Любучъ, по желанію Ларина, воспитываются на счетъ самого училища. Жители охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ ученіе, такъ что въ Любучахъ, въ настоящее время, почти нѣтъ никого изъ взрослыхъ, кто бы не получилъ образованія въ Ларинскомъ училищѣ. Съ открытія его въ 1819 году, было по настоящее время учащихся 1106 человекъ. Самое училище, какъ по зданію своему, такъ и по образованію, далеко превосходитъ всѣ сельскія училища рязанской губерніи. Оно состоитъ изъ трехъ классовъ, изъ нихъ одинъ приготовительный, и помѣщается въ собственномъ, каменномъ 2-этажномъ домѣ. Въ училищѣ полагается 1 смотритель и 6 учителей. Предметы преподаются слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, главные основанія геометріи, техническое рисованіе, черченіе, чистописаніе и церковное пѣніе. Сверхъ того кратко преподаются русская исторія и географія. Въ свободное же отъ занятій время, воспитанники обучаются ремесламъ: столярному и слесарному по 1½, или по 2 часа ежедневно.—Населеніе села Любучъ, по духовнымъ росписямъ за 1775 годъ, значится въ 1135 душъ мужскаго пола, но изъ нихъ живутъ на сторонѣ, дѣи своихъ промысловъ (какъ извѣстно изъ тѣхъ же росписей), 583 души, такъ что живутъ въ Любучахъ всего 552 человека.

Въ заключеніе всего этого остается прибавить, что громадно разросшіяся Ларинскія суммы послужили въ Россіи. Въ теченіе времени отъ 1828 до 1835 г. по высочайшему повелѣнію построены залы императорской публичной библиотеки,

на воспитаніе въ сѣ село, а предпochелъ бы на то губернскія или столичныя училища. Такимъ образомъ, училище, въ селѣ Любучахъ учрежденное, вполне удовлетворяетъ намѣреніямъ завѣщателя, и самымъ словамъ, въ коихъ воля его изображена. Что касается до банка, то сумма 40,000 руб. болѣе нежеланна достаточна для нуждъ жителей сего села, коихъ по ревизіи числится 777 душъ. Для болшей суммы недоставетъ у нихъ и обезпеченіи; ибо село сѣ едва имѣетъ столько участковъ земли, сколько по положенію слѣдуетъ на обезпеченіе всего отдѣльнаго для банка капитала, такъ что онаго достанетъ вполне для каждаго изъ сихъ хлѣбопашцевъ. Притомъ жители села Любучъ обзаваны всѣмъ миромъ отвѣтствовать за цѣлостъ сего капитала, который раздается съ общаго приговора головы и трехъ избранныхъ старшинъ. Посему весьма ясно, что капиталъ банка не только не нуженъ быть увеличенъ для села Любучъ, но при всякомъ умноженіи онаго оказался бы излишнемъ и даже обременителемъ для жителей, ибо охраненіе его въ томъ мѣстѣ не требуетъ обширнаго дома, каковаго тамъ нѣтъ, опредѣленія большаго числа людей для надзора и управленія и вѣснаго обезпеченія, котораго жители и село дать не могутъ. Распространеніе же банка для того, чтобы и другіе кто-либо, кромѣ любучскихъ крестьянъ, могли получать тамъ ссуды, будетъ вовсе неумѣстнымъ, и будетъ совершенно неудобнымъ въ исполненіи и невозможнымъ 8). Все сѣ было вполне сообразуемо, по достаточности на самомъ мѣстѣ обозрѣніи села Любучъ и образа состоянія жителей, и вѣдѣтіе того по разсмотрѣніи въ главномъ правленіи училищъ, на поднесенный отъ онаго докладъ, 14 іюня 1817 года послѣдовало высочайшее утвержденіе. Въ заключеніи, князь Голицынъ признавалъ справедливымъ „оставить всю сумму, процентами съ капитала Ларина составившуюся, въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, на предметъ его цѣли соотвѣтственные, и не употреблять ни на что постороннее“. Государь императоръ утвердилъ положеніе большинства членовъ комитета министровъ. Почему, однако же, это постановленіе не осуществилось, изъ архивскихъ дѣлъ не видно, и любучское ларинское училище

8) Замѣтимъ, что князь А. Н. Голицынъ совершенно забываетъ при этомъ слова самаго Ларина въ его проектѣ: „Учредители, станеть чинить помощь ссудовъ преимущественно поселянамъ села Любучъ, а если оные всего того на себя не обратять, то и стороннимъ“.

идуща отъ угла Невскаго проспекта по площади монумента Екатерины II, на что отпущено 127,000 рублей, и одну изъ залъ императоръ Николай I, при посѣщеніи библиотеки 24 іюля 1835 года, повелѣтъ назвать „ларинскою“⁹⁾.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору Николаю, министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ писалъ, въ декабрѣ 1834 года: „Непрестанно возрастающая, съ умноженіемъ народонаселенія въ С.-Петербургѣ, потребность образованія юношества, въ особенности для средняго класса людей, становится болѣе и болѣе ошутительною, и родители недостаточнаго состоянія крайне затрудняются въ присканіи къ тому благонадежныхъ способовъ. Притомъ же 2-я и 3-я гимназіи находятся обѣ на одной сторонѣ Невы, а потому для жителей васьиленскаго острова, петербургской и выборгской стороны, посылать дѣтей своихъ въ сіи отдаленныя заведенія вообще неудобно, а иногда и вовсе невозможно“. Поэтому Уваровъ просилъ разрѣшенія употребить на покупку дома и устройство гимназіи, на васьиленскомъ острову, до 110,000 рублей изъ состояннаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія ларинскаго капитала, прославшагося свыше 800,000 рублей. „Еслибъ—прибавилъ онъ—сверхъ вышесказанной суммы 110,000 отдѣлить еще на учебнаго здѣсь гимназію до 400,000 рублей изъ ларинскаго капитала, дабы процентами съ сей суммы содержалъ опредѣленное число воспитанниковъ, то сіи гимназіи, учрежденная щелымъ пожертвованіемъ Ларина и частью содержимая изъ того же источника, могла-бы по справедливости принять имя своего благодѣателя и именоваться „ларинскою“. Такимъ образомъ самое пожертвованіе Ларина достигло-бы цѣли своей и симъ распоряженіемъ благая воля дарителя была-бы исполнена съ значительною пользою для жителей столицы“. Императоръ Николай написалъ на этомъ докладѣ 8 декабря 1834 года: „Совершенно согласенъ“, и ларинская гимназія была открыта въ Петербургѣ 15 августа 1836 года.

Наконецъ изъ того же капитала отпущена сумма на постройку здания для ринельскаго лицея съ гимназіею въ Одессѣ.

Приложенный къ настоящему очерку портретъ Ларина очень точно скопированъ съ оригинала, помѣщеннаго въ „ларинскій запискѣ“ императорской публичной библиотеки и пожертвованнаго

⁹⁾ Путеводитель по императорской публичной библиотекѣ. С.-Петербургъ. 1852, стр. 24, прилѣжаніе.

библиотекѣ, въ 1859 г., вдовою полковника, Наталію Васильевну Ефимовою, урожденною Цыгоровою, т. е. внучкою Ларина, и дочерью его единственной дочери Наталіи (въ замужествѣ Цыгоровой). Пожертвованіе это произошло совершенно случайно. Однажды, въ декабрѣ 1859 года, одинъ изъ библиотечарей, сопровождая, по обикновенію, толпу посѣтителей, разсказывалъ ей, въ ларинской залѣ, о пожертвованіи Ларинымъ значительной суммы, при Екатеринѣ II, и прибавилъ, что изъ этой суммы возведена послѣдствіи и эта „ларинская зала“, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ нигдѣ нѣтъ портрета Ларина, и неизвѣстны черты лица этого великодушнаго и образованнаго кушца. Тутъ изъ толпы посѣтителей выдѣлилась маленькая старушка, и подошла къ библиотечарю. „Что вы это изволите говорить, батюшка? Я немножко глуха, не разсышу“, сказала она. Библиотечаръ повторилъ свое сожалѣніе. „Э, батюшка, что же это я прежде не знала, никто не сказалъ мнѣ, что нужно портретъ Ларина. Я его внучка, у меня есть портретъ. Прикажете ко мнѣ, я съ удовольствіемъ отдамъ его библиотекѣ“. И въ тотъ же день въ императорскую публичную библиотеку переселился настоящій великодушный портретъ. Вышеупомянутый библиотечаръ видѣлъ у г-жи Ефимовой другой небольшой портретъ Ларина, можетъ быть оригиналъ, но не вынулъ его потому что онъ показался ему очень почернѣвшимъ и худо написаннымъ. Въ фондѣ у него не было представлено никакихъ строеній. Тѣхъ находится теперь этого маленькаго портрета, я не могъ розыскать, не смотря на всѣ мои старанія. Что же касается до портрета императорской публичной библиотеки, то, какъ видно изъ подписи на портретѣ, его писалъ въ 1818 году академикъ Алексѣй Волковъ, превосходный ученикъ знаменитаго нашего живописца Лейбца: этого портрета, въ приведенномъ выше писемѣ отъ 14 августа 1817 года, Цыгоровъ писалъ князю А. Н. Голицину: „Дабы ознаменовать благоговѣніе и достоинство моего тещи, въ обязанность себя и поставлю имѣть въ училищѣ портретъ его, который съ нахожденіемъ у меня оригинала поручить я написавъ искусственною кистью г. профессору Волкову. Онъ на сихъ дняхъ предстанитъ эскизъ на апробацію вашего сіятельства, съ тѣмъ, какіе прикажете означить на семь портретѣ цѣта платкамъ пштомцевъ, послужу они разнымъ состояніямъ. Цыгоровъ перемѣнитъ вносѣдствіи свое намѣреніе, и не отдастъ ларинскому училищу

картины Волкова—потому-ли, что картина ему нравилась, потому ли, что не смотря на всё своё увёрение, мало заботился, въ действительности, о любучскомъ училищѣ, и, не добившись отъ министра ни доли въ ларинскомъ наслѣдствѣ, ни управленія любучскимъ училищемъ, пересталъ объ этомъ посылать ни одного портрета Ларина въ подарокъ любучскому училищу никогда не поступало.

На портретъ публичной бібліотеки, Ларинъ представилъ въ пудренномъ парикѣ, маминою бархатномъ кафтанѣ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Въ рукахъ у него бумага съ сурочную печатью на краю: вѣроятно это „данная 1778 года. Онъ сидитъ въ креслахъ, на балконѣ: можно предполагать, что художникъ желалъ изобразить здѣсь балконъ того дома, каменный Ларинъ думалъ построить себѣ въ Любучахъ, но переселился туда въ качествѣ смотрителя своего училища. Въ фонѣ, надъ у самого края картины дерево; видны церкви съ колокольнею. Направо, на возвышеніи изъ 4-хъ ступенекъ, какое-то строеніе съ колоннами: туда устремляется по ступенькамъ идущая толпа крестьянскихъ мальчиковъ; они сняли шапки, и входятъ въ кресты. Должно полагать, что академикъ Волковъ хотѣлъ изобразить здѣсь любучскую церковь и училище, но такъ-какъ онъ не вдалъ ихъ, да притомъ построилъ училищнаго дома въ 1818 году не была еще кончена, то онъ изобразилъ только собственныя выдумки. Н. И. Барсуковъ пишетъ мнѣ: „Все это создала фантазія живописца, писавшаго портретъ Ларина въ С.-Петербургѣ. Въ натурѣ, и здание училища и церковь совсѣмъ не таковы. Въ заключеніе, замѣчу только еще, что портретъ Ларина, принадлежавшій императорской публичной бібліотекѣ, написанъ превосходно. Это одна изъ хорошихъ картинъ старой русской школы. Почти въ самомъ центрѣ картины, на пустомъ пространствѣ, приходящемся между головою Ларина и колоннадою, написано черною краскою: „А. Волковъ 1818“.

Съ этого портрета существуетъ двѣ копіи, въ размѣрахъ оригинала: одна въ любучскомъ ларинскомъ училищѣ, полная, другая въ С.-Петербургской ларинской гимназіи, сокращенная (относительно фоновъ).

Касательно первой, Н. И. Барсуковъ сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя изъ архива любучскаго училища. Правящій должность смотрителя этого училища, Гер. Ив. Дмитревскій,

О юліи 1821 года благодарить купца Варл. Сем. Милкова, который онъ называетъ уроженцемъ Любучей, и который въ о время жила въ Петербургѣ, на Вас. островѣ, за книги, присланныя училищу въ даръ, для раздачи въ награду ученикамъ, и затѣмъ прибавляетъ: „Смѣю вамъ предложить, хотя и знаю насъ и не знаю, что ларинское училище, коему вы по любви и усердію своему благотворствуете, весьма интересуется и желаетъ имѣть портретъ П. Д. Ларина, яко основателя онаго, и хранить въ училищѣ оный въ гостепріимной комнатѣ для незабвенной памяти безсмертныхъ его благодѣяній; но къ крайнему моему сожалѣнію не знаю, гдѣ его портретъ видѣть. Я думаю, что вы знаете зятя Петра Даниловича, Вас. Вас. Цыгорова, то постарайтесь сходить къ нему и спросить его, нѣтъ ли у него портрета Ларина, и буде есть, то попросите г. Цыгорова, чтобы онъ приказалъ снять искусному живописцу снимокъ съ его портрета на счетъ суммы ларинскаго училища“. Въ началѣ того же года, Дмитревскій писалъ Милкову: „Вчера жалъ, что В. В. Цыгоровъ не соблаговолилъ приказывать скопировать копія съ портрета П. Д. Ларина“, и далѣе: „Весьма бы мы оложили и благодарствовали училище, если бы убѣдили своимъ благонауміемъ г. Цыгорова, чтобы онъ позволилъ вамъ отозвать, то я о семъ нужномъ предметѣ не смѣю болѣе васъ беспокоить, развѣ что прикажетъ г. директоръ“. Повидному, Милкову вслѣдствіе этого письма удалось-таки уговорить Цыгорова, столь долго притворявшагося доброжелателемъ ларинскаго училища, а теперь совершенно къ нему охлажденнаго: спустя годъ, 26 августа 1822 года, Дмитревскій писалъ директору ларинскихъ училищъ, что просилъ Милкова о скорѣйшемъ закончаніи и присылкѣ портрета Ларина; 9 же февраля 1823 года, Дмитревскій уведомилъ уже смотрителя училищъ о полученіи изъ Петербурга, отъ Милкова, портрета Ларина, съ рамой, и 86 экземпляровъ разныхъ книгъ, пожертвованныхъ имъ училищу для награды учениковъ при публичныхъ экзаменахъ. Въ „Исторической запискѣ о ларинскомъ училищѣ за 1823 (хранящейся въ архивѣ училища) описывается торжество утвержденія на мѣстѣ портрета Ларина, и про него сказано, что онъ написанъ академикомъ Волковымъ. Но балъ-ли въ 1822 и 1823 г. Ларинъ академикъ Волковъ, и действительно-ли онъ самъ писалъ эту копію, намъ изъ документовъ С.-Петербург. ака-

ценны художественно. За копію же эту Милков
платил изъ публичскаго училища, 18 марта 1823 г., 400 р.

Другая копія съ портрета императорской публичной
отопи списана для С.-Петербургской ларинской ги
изъ 1862 году, капитаномъ 1 ранга Розенбергомъ, и пом
въ актовъ залѣ. На этой второй копіи не написано въ
(быть можетъ изъ экономіи) ни пейзажа, ни церкви, ни л
скаго училища.

В. Смирновъ

Дочь ангела Петра Даниловича Ларина воспомина
этого числа декабря мѣсяца.

9131.

полученная в россии
и вѣдѣна по адресу

1. Копию, Влад. об
41. Оружье, 14.